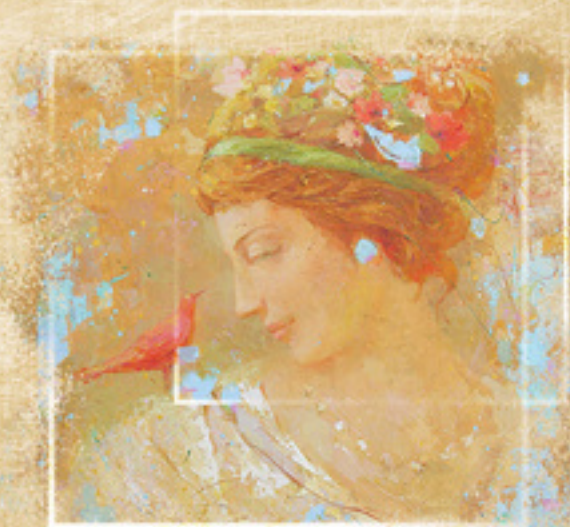

ЛАРИСА РАЙТ

Золотая струна

для улитки

Лариса Райт

Золотая струна для улитки

«ЭКСМО»

2011

Райт Л.

Золотая струна для улитки / Л. Райт — «Эксмо», 2011

ISBN 978-5-699-53814-0

У нее необычное для русского уха имя – Андреа. Она испанка, но живет в России. Она настоящий, большой музыкант, но играть больше не может: нельзя исполнять фламенко, если в твоей душе поселилась боль, из-за которой все потеряло смысл. Теперь ее существование похоже на страшный сон. В сказке Спящую царевну разбудил один-единственный поцелуй любящего человека. В жизни все, конечно, иначе: чтобы проснуться и вновь начать жить, Андреа понадобятся долгие дни, много терпения и – любви. Любви, которую она будет не только принимать, но и дарить.

ISBN 978-5-699-53814-0

© Райт Л., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	8
3	9
4	11
5	13
6	16
7	17
8	18
9	21
10	23
11	27
12	32
13	33
14	35
15	37
16	39
17	40
18	44
19	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лариса Райт

Золотая струна для улитки

*...Все погибло,
Одно молчанье со мною
Оставьте в поле меня, среди мрака —
Плакать...*

Ф. Гарсиа Лорка

В несчастии судьба всегда оставляет дверцу для выхода...
М. Сервантес

Часть первая

1

Андреа превратилась в улитку. Не в ту, которой японские хокку пророчат «тихо-тихо ползти по склону Фудзи, вверх, до самых высот». А в самого обыкновенного слизня, что прячется в капустных листьях и робко высовывает голову только в случае крайней необходимости. Такой Андреа наверняка нашлось бы достойное место в центре Готического квартала Барселоны. В интерьере «Los Caracoles»¹ спиральки ее волос прекрасно смотрелись бы на фоне витражных, резных и мучных улиток. Там можно было бы обрести спокойствие: никуда не ехать, ни с кем не разговаривать, не выползая из раковины. Очевидно, где-то очень глубоко в ней теплится желание жить, поэтому она занимает отдельный кабинет в «Декоре Испании». Там неплохо платят, тем более носителю языка. Сама она, конечно, никогда туда не попала бы. В то время она уже стала капустной улиткой, которая ничего не может и не хочет – только покорно спрятаться под листочками, свернуться в тепле и не шевелиться.

Андреа знает, что бывают другие улитки: морские, большие и сильные. Они с удовольствием дрейфуют в штормовых волнах и присасываются к скользким соленым валунам. Их можно оторвать, положить на ладонь – и буквально через секунду закрученный домик поползет, появятся рожки, упорно ощупывающие новое пристанище, мокрое тельце заскользит по руке, пытаясь найти самое выгодное, самое лучшее место на этом странном, мягком и теплом камне. Андреа сама была когда-то такой. А теперь нет лучшего примера для улитки, чем Алла. Алла живет в постоянной борьбе: за чистоту в подъезде, за успеваемость студентов, за своего мужа, потом за чужого, за большие гонорары, за светлое будущее всего человечества в целом и за будущее Андреа в частности.

Пару лет назад она остановилась в переходе и долго разглядывала странную молодую женщину иностранного вида. Пальцы маленькой незнакомки виртуозно бегали по струнам гитары, инструмент заходил в пронзительных ритмах латинос, исторгал глгучие страсти Хосе, плакал над безумием Дон Кихота. Перед Аллой мелькали дамы и кавалеры де Веги, простолудины Кальдерона, лила слезы донья Соль, а Кармен прощалась с Марио². Алке хотелось рыдать и смеяться одновременно. Музыка проникала в кровь, щипала сосуды, сводила нутро. А лицо гитаристки оставалось безучастным. Они будто существовали отдельно: женщина и

¹ «Улитки» (исп.) – известный ресторан в Барселоне.

² Донья Соль – героиня романа Висенте Бласко Ибаньеса «Кровь и песок»; Кармен – героиня романа Мигеля Делибеса «Пять часов с Марио».

гитара. Но это ее тонкие пальцы заставляли инструмент проживать тысячи жизней, а сама музыкантша казалась мертвой. Нет, она не была изможденно-худой или болезненно-бледной. У нее были пустые, невидящие глаза. Гитара жила в этом мире, питалась энергией, дышала воздухом. Гитара дразнила, ненавидела, требовала, восхищалась, а женщина ничего не чувствовала. Алка огляделась – сосуда для денег не было. Музыка кончилась, незнакомка собралась уходить. Алла рванулась за ней.

– Кто вы?

– Андреа. – Едва уловимый иностранный акцент.

– Зачем вы играете?

– Не знаю. – Делано равнодушное пожатие плеч.

– Вы чудесно играете.

– ...

– Вы... Я... Может, вам нужна помощь? – Алка сама не знала, почему задала этот вопрос. Она была практичной и отнюдь не сентиментальной, а тут будто что-то перевернулось в ней и заставляло семенить за упорно удаляющейся музыкантшей и спрашивать, спрашивать...

– Кто вы?

– Гитарист. – Простая констатация факта.

– Да, конечно. Вы... Вы сейчас работали?

– Я сейчас играла. – Беззлобно, но слегка утомленно.

– Ах, ну да! – (Идиотка, ведь не было же тары для денег!) – А где, где еще можно вас послушать?

– ...

– Ладно, извините. Простите, я не хотела докучать.

Алла отстала. В душе заклокотала обида. Такая угрюмая, нелюдимая женщина умела восхитительно играть, а Алка не умела совсем. Ни на чем. Начинала и бросала. Не хватало ни терпения, ни таланта, ни времени, ни желания.

Странная гитаристка, которую звали каким-то иностранным, мужским, по Алкиному мнению, именем, внезапно остановилась, обернулась и, не поднимая на Аллу стеклянных глаз, скороговоркой пробормотала:

– Играть я больше не буду, не хочу, уеду.

– Куда?

– В Испанию.

– Домой?

– Дом здесь.

– Тогда зачем уезжать?

Через неделю Андреа оставила третьесортный квартет, который, превратившись в трио, продолжал с тем же неуспехом выводить заунывные рулады на сценах подмосковных санаториев. Двоюродный брат одного из знакомых младшего племянника мужа подруги Алкиной троюродной тетки владел мебельным салоном. У него только что переманили переводчика, и появление странной испанки стало просто спасением. Андреа вышла на работу, залезла в раковину и заснула. Алка иногда тормошила, пыталась разбудить. Андреа честно пыталась встряхнуться, вылезти из обид и воспоминаний, но неизбежно соскальзывала обратно в спираль и молчала. Алла стучала, но не могла достучаться. Может, стучала несильно, может – нечасто, но у нее же были борьба и ворох других проблем.

Еще была Зоя. Зоя была давно. Почти всегда. И у Зои проблем практически не было. Но Зоя была помолвлена. Тоже почти всегда. Уже десять лет. И это была ее единственная про-

блема, которую она называла на иностранный манер «long distance relationship³». У Зои были письма, звонки и сообщения. У Андреа была пустота. У Зои – любовь, ненависть, ревность, мечты. У Андреа – вакуум. У Зои – восемь раз в год Стокгольм, но за десять лет были и Париж, и Лондон, и Рим, и Токио, и Мехико, и заветный Рио-де-Жанейро. У Андреа – восемь остановок от «Беляево» до «Юго-Западной».

Раньше, еще до своего падения в небытие, Андреа слегка завидовала подруге. У той было столько возможностей увидеть и узнать новое, неизвестное.

– Линдгрэн придумала человечка с пропеллером?

– Что? – не понимает Зоя.

– Ну, – смущается Андреа, – у вас вроде печатали. Я видела в книжных ее повести.

– Какие повести?

– Про Карлсона.

– А... – радуется подруга, – так это ты про мультик, что ли? А при чем тут какой-то Линдгун, Линдгвин, как ты там сказала?

– Неважно. Значит, крышу Карлсона ты в Стокгольме не видела...

Зоя качает головой, крутит пальцем у виска и красноречиво молчит. В другой раз Андреа спрашивает:

– Ты ведь была в Лувре, правда?

– Была, – важно кивает Зоя.

– Как? Как тебе Ватто? Там большая коллекция? – Андреа с юности восхищается этим художником. Ей близки печаль и меланхолия его персонажей и вместе с тем буйство цвета, простота композиции и сложность мотивов. Андреа могла часами простаивать у его картин и пылливо искать и находить забавное в грустном, серьезное в смешном.

– Какое отношение Виттон имеет к Лувру? И почему его коллекции должны выставляться в музее?

И Андреа завидовать перестала.

А после того, как она очутилась в раковине, общение с Зоей и вовсе стало односторонним. Зоя щебечет об очередной встрече со своим шведом, который никак не хочет переезжать в «ужасную, неевропейскую страну».

– Ну а я что? Должна похоронить себя в Стокгольме в компании его полоумной матери-шведки?!

Андреа не понимает, почему в Стокгольме обязательно надо себя хоронить и какой должна быть мать шведа, если не шведкой. Андреа молчит. А Алка не может. Алка спрашивает:

– А почему она полоумная?

Зоя взмахивает ресницами, кривит губки.

– Сейчас, сейчас. – Она погружается в хаос своей супермодной клетчатой сумочки от «Шанель» и выуживает оттуда конверт с фотографиями.

– На, сама посмотри.

³ Отношения на дальнем расстоянии (англ.).

2

– На, сама посмотри! – Мать трясет перед лицом Андреа приглашением. – О чем я мечтала? О чем говорила? Я все уши прожужжала тебе, я просила, я умоляла, чтобы это была Франция, или США, или Болгария, или даже, ладно, пусть даже Москва, но тогда конкурс Чайковского. А это? Это что, я тебя спрашиваю?

Андреа наконец получает возможность заглянуть в измятый листок. Заглядывает и ликующе улыбается.

*Уважаемая сеньорита Санчес-Домингес,
Дирекция международного конкурса гитаристов «Фернандо Сор»
просит подтвердить Ваше участие в конкурсе и приглашает приехать на
заключительный третий тур...*

– Чему ты улыбаешься? – вопит мать. – Ради чего все это? – Мать гневно распахивает дверь в комнату, где скучает благородный рояль. – Ради конкурса гитаристов? – Сеньора Санчес произносит слово «гитаристов» так, как будто это конкурс, по меньшей мере, работников тюремной столовой штата Кентукки. – Нет, не надо было покупать тебе эту бренчалку! У тебя были нормальные, понятные мне стремления...

– Почему если непонятные тебе, то сразу же ненормальные?

– Не перебивай и не возмущайся! – отрезает мать. – Тебе восемнадцать. Что ты можешь знать о жизни?! Какое будущее у гитариста?!

– А у пианиста, мама? Я же не Фредерик Кемпф!⁴

– Нет. Не все рождаются гениями. Но у тебя есть талант, а над талантом надо работать. А ты? Что ты делаешь? Что делают твои пальцы? У тебя исключительный, мощнейший охват, ты перебираешь октавы за считанные секунды. Клавиши созданы для твоих рук, а ты стираешь нежные подушечки железными струнами и неделями не подходишь к инструменту!

– Гитара – тоже инструмент. И, играя на ней, я чувствую себя гением.

– Ну и кем ты себя возомнила? Пепе Ромеро?

(И что она себе воображает, эта девчонка!)

– Андреа Санчес-Домингес.

Сеньора Санчес в сердцах швыряет приглашение на пол и спешит поставить точку в споре:

– Ты никуда не поедешь!

Через неделю Андреа сбегает в Италию, а еще через две в Мадрид отправляется копия диплома лауреата международного конкурса «Фернандо Сор».

⁴ Известный современный британский пианист.

3

– Сыграй, Ань, – Алка не признает официоза, а имя Андреа кажется ей именно таким, лишенным домашности. Зоя же, напротив, любит подчеркнуть иностранное происхождение подруги.

– Давай, Андреа. Порадуй девочек.

Андреа окончательно падает в свою скорлупу и еле уловимо мотает головой.

– Не сегодня, – вымученно улыбается она. – Я что-то устала.

Подруги уходят, а Андреа еще долго сидит без движения и смотрит сквозь конверт с фотографиями, забытый Зоей.

– На, сама посмотри, – раздраженно говорит ей соседка по комнате.

Девушку зовут Мари, она французенка, ей тридцать четыре, и это ее последний шанс добиться хоть какого-то признания среди гитаристов. Андреа знает, что у Мари ничего не получится. Она слышала, как та играет. Про таких в музыкальном мире обычно говорят «посредственность». Андреа жалко Мари. Она кажется ей практически древней старухой, напрасно растратившей жизнь на пустые мечты. Андреа берет ноты и вздыхает.

– Все, как я говорила. Здесь ре минор. – Она не слышит привычного «Не может быть!». Мари смотрит в окно и возбужденно машет ей рукой.

– Смотри, смотри скорей. Еще один третьетурник.

– Кто? – У Андреа не очень хорошо с английским.

– Ну, такой же, как ты. Приглашенный почти к финалу. Кажется, русский. Я видела фамилию в списке.

Андреа с любопытством выглядывает в окно.

– Симпатичный, правда? – толкает ее локтем Мари.

Андреа не знает, что ответить. Высокий черноволосый паренек в рваных джинсах и солнцезащитных очках вполне может оказаться симпатичным. Только на вид ему лет двадцать. Странно. Что Мари в нем нашла? Может, ковбойская шляпа ее привлекла?

– Похож на Дина Рида⁵, – лениво бросает она.

– Ну да, точно! Этаким красный ковбой! – радуется Мари, а Андреа проникается к соседке внезапным уважением. Удивительно. Она знает Дина Рида.

– You played fantastic!⁶

Андреа с интересом оборачивается. Дин Рид собственной персоной. Уже без темных очков. «Надо же, – думает про себя девушка, – сходство действительно есть: густые изломанные брови сведены к переносице, взгляд какой-то пронзительный и удивительно честный, уголки полуоткрытых губ чуть опущены книзу, как на знаменитом портрете».

– Вадим, – представляется русский и протягивает руку, которую Андреа, смеясь, пожимает.

– Why are you laughing?⁷ – не понимает новый знакомый.

– I'll call you Dim⁸. – Ретранслятор что-то быстро лопочет по-итальянски, и Андреа подталкивает смущенного русского к выходу:

⁵ Американский певец, композитор и общественный деятель, известный в 1970 – 1980-е гг. в основном в странах Восточной Европы.

⁶ Вы фантастически играли (англ.).

⁷ Почему вы смеетесь? (англ.)

⁸ Я буду называть тебя Дим (англ.).

– It's your turn⁹.

У него – заслуженный Гран-при, у нее – первая премия, а у них обоих – большое и светлое. Трогательное, робкое, зыбкое, тайное, юное. Мощное, сильное, открытое, зрелое, настоящее.

Андреа учит русский. Ей интересно. Дим осваивает технику испанской гитары. У него здорово получается. Лучше, чем у Андреа с русским.

– Поедешь со мной? – Неудачная попытка сыграть в равнодушие.

– По-е-ду, – уверенный кивок. Потом уточняет: – Where?¹⁰

– В Москву. Home¹¹.

– До-мой, – радуется Андреа. – A casa¹².

– А как же Мадрид? Как же рояль? Как же мы с папой? Какое будущее тебя там ждет? – рыдает в трубку сеньора Санчес.

Андреа улыбается. Ее ждет Москва, гитара, Дим и крылатое счастье. Она уверена: у счастья есть крылья. Она думает, это хорошо. А что хорошего? Счастье прилетает и улетает.

⁹ Твоя очередь (англ.).

¹⁰ Куда? (англ.)

¹¹ Домой (англ.).

¹² Домой (исп.).

4

– Ну, дорогая, что вы делали вчера? – Доктор участливо заглядывает в глаза, не переставая нервно постукивать пальцами по мраморной столешнице. Андреа уверена, что психолог требуется ему самому, а вовсе не ей. Но Алка настаивает, а Андреа легче согласиться, чем спорить. И она честно высиживает в кресле положенные два часа в неделю, односложно отвечая на одни и те же вопросы.

– Ко мне приходили подруги.

– Прекрасно, просто прекрасно. Значит, общество вас уже не пугает.

Андреа еле сдерживает раздражение. Общество ее никогда не пугало, ей просто больше не хочется в нем бывать, не хочется разговаривать, не хочется обсуждать, сочувствовать, понимать, осуждать, спрашивать. Не хочется слышать и слушать. Ну и что? Это значит, что она больна? Живет же Шелл по десять месяцев в году один в маленькой деревянной хижине. Нравятся человеку тишина и покой Австрийских Альп. Что-то Андреа не слышала, чтобы у режиссера были проблемы с головой. Да если бы у нее была такая возможность, она бы тоже рванула в Альпы или лучше в Тибет за мудростью буддийских монахов. Может, и гитару бы с собой прихватила. А пока Москва – лучшее место для добровольного отшельника. Лучшее место для Андреа. Здесь всем на нее наплевать. Есть, конечно, Алка и Зоя, но их как-то можно потерпеть. Проще, чем родителей, всю многочисленную испанскую родню, целый ворох знакомых и прочих разных далеких и близких. Если бы Андреа была верующей, она бы отправилась в монастырь. Хотя, наверное, нет. В обители можно скрыться от мира, но не от воспоминаний.

Валентин Карлович поднимается и начинает с довольным видом слегка пританцовывать перед Андреа. У нее кружится голова.

– Ну, а в другие дни, душенька? В другие дни что вы обычно делаете?

«Думаю», – отвечает себе Андреа, а вслух произносит:

– Читаю.

– Замечательно! – Психолог так радостно машет руками перед лицом пациентки, будто она сообщила ему, что собирается увеличить плату за сеансы как минимум в пять раз.

– Что читаете, моя милая?

– Так... Разное... – Андреа уклоняется от ответа. Ей не хочется расстраивать доктора. Он так хочет казаться добрым, участливым и полезным. Ему точно не понравится, если она скажет, что читает письма из мест лишения свободы. А что тут такого? Она же просто так читает. Не для знакомства, даже не из любопытства. Просто заключенные кажутся ей ее антиподами. Их насильно поместили в вакуум, посадили на цепь, изолировали, и они страдают, ждут окончания ссылки, жаждут возвращения, тепла, социума. А Андреа асоциальна. У нее есть раковина. Алка, Зоя и Карлович не в счет.

– Знаете, говорят, в Пушкинском сейчас Модильяни, – бросает психолог как бы между делом.

– Хорошо. – Не более чем вежливый ответ. Никаких загоревшихся глаз, никакого интереса. Странно, очень странно. Эта маленькая обрусевшая испанка, настырно притворяющаяся мертвой, все же кажется ему живой. Алла говорила, она была гитаристкой. Может, стоит поговорить о музыке?

– Анечка, в мире столько всего интересного, – доктор начинает поучать, и Андреа тут же прячется за невидимым щитом. – Аль ди Миола снова приезжает. Будет выступать вместе с нашими эстрадными звездами.

– Предпочитаю Пако де Лусию. – Так, уже лучше. Кажется, нащупал.

– Почему? – В вопросе – весь искренний интерес, на который доктор способен.

Боже! Что за глупость! Это же очевидно. Пако де Лусия умеет делать пальцами то, что другие способны сотворить только с помощью маленького кусочка плексы. Он сыплет правой рукой отдельные пассажи, выдает арпеджио, где каждый аккорд, каждая нота звучат отдельным словом даже на бешеной скорости. А знаменитая посадка «нога на ногу»? А это сумасшедшее пренебрежение каподастром или сехильей? Да даже не в этом дело, а в его музыке. Если это «Пещера кота», ты будто видишь темные, влажные, чуть зловещие очертания пещеры, где мерцают настороженным огнем два зеленых светлячка. А взять «Фонтан и источник»... Слушаешь и ощущаешь зажатость, искусственность, ограниченность фонтана. Безукоризненного, величественного, значимого, но вместе с тем однобокого, узкого, застывшего в своем монотонном журчании. И тут же доносятся совсем другие отголоски: трепетные, звонкие, буйные, наполненные энергией, силой, пространством, буйством природы, живительной силой, которую влечет за собою источник.

Андреа могла сказать это все. И не только это. Еще многое и многое. Но не сказала ничего. Зачем? Какое дело Карловичу до Франсиско Гомеса?¹³ И вообще, Пако – это тоже личное. А личным Андреа делиться не собиралась.

– Смотри, что у меня есть! – Дим разжимает кулак.

– Струна.

– Не простая.

– Золотая? – смеется Андреа. Она уже целый месяц в Москве и говорит довольно сносно. До этого они полгода мотались с остальными лауреатами по концертам. Кроме них, в группе еще двое украинцев и поляк. Она – единственная девчонка. Ребята хохочут, травят анекдоты, смеются. Она почти ничего не понимает, вертит головой с глупой улыбкой. Дим пытается переводить, но беседа уплывает, он отвлекается, извиняется, чмокает подругу в нос и опять окунается в бессмысленную для Андреа трескотню. Постепенно сквозь шум и помехи начали прорезаться знакомые слова, потом фразы. И вот уже сама Андреа хохочет вместе со всеми и даже пытается шутить на почти уже родном языке.

– Так что, золотая? – Она пихает Дима локтем, но он не откликается на шутку. Мотает головой:

– Бесценная. – В голосе серьезность и торжественность. Андреа не понимает. – Это струна Пако, – открывает он свою тайну, и девушка тут же проникается священной любовью к куску полупрозрачной проволоочки.

– Откуда у тебя? – Андреа бережно перекладывает струну на свою ладошку.

– Поменялся с одним парнем, который был на его концерте в 1986-м.

– А она настоящая? – сомневается девушка.

– Настоящая! – обижается Дим и пытается забрать реликвию. Андреа не отдает, рассматривает струну и старается не дышать. Вдруг она исчезнет, растворится...

Где она теперь, эта струна? Андреа смотрит на часы над головой Карловича и поспешно поднимается с кресла.

– Увидимся в четверг, – она натянуто улыбается.

– Конечно, душечка, конечно.

Психолог расстроен. Добыча в очередной раз ускользнула. Аллочка так просила помочь, узнать, что случилось. Нет, он бы не стал ей потом рассказывать. Конечно, нет. Как можно? Но если бы эта полоумная поделилась с ним, то, может, потом и подругам в жилетку поплакалась бы. Но ничего, ничего не получается. Не баба, а кремень!

¹³ Франсиско Гомес – настоящее имя Пако де Лусии. Пако – сокращенное от Франсиско.

5

– Не баба, а кремь! – Прораб провожает хозяйку восхищенным взглядом. – Нет, ты слышал?! «Переделать, и точка!» Сколько же можно переделывать-то? Мы так точно в срок не успеем.

Марат не реагирует. Прораб не спеша заходит в комнату.

– Ну, давай, давай посмотрим, что ты тут наваял. Ох-ре-неть, твою мать!

Лицо прораба вытягивается, рот извергает проклятия, глаза пылают. Вот ведь бес попутал взять этого чурку! Ни черта делать не умеет, уже третий объект, а все та же фигня. Да, тогда другого выхода не было. Сашок угодил на пятнадцать суток, потом на него еще какую-то байдю накопили, короче, что называется, окончательно выбыл из строя. А на носу малярка. И что было, скажите, делать прорабу? За руль – и на Ярославку. Что за дурацкая мысль была искать морду поинтеллигентней?! Ну, понятно, боялся, хозяева пронюхают, что маляр с улицы. Хотел себя обезопасить, а что получил? Молчать-то этот чудака молчит, но работает – хуже некуда. Дай обезьяне кисточку, она и то лучше покрасит. Ведь зарекался же, обещал сам себе выгнать в шею после первого же объекта, а все жалко. А может, не жалко, а страшно. Этот как зыркнет своими колючими глазами, аж дрожь берет. И потом, где опять маляра искать? Опять ведь на Ярославке. Нет, от добра добра не ищут. Что верно, то верно. Придется еще потерпеть чуток. Все-таки за три месяца прогресс обозначился. Уже шпатлевку для заделки стыков с той, что для трещин, не перепутает. Но на рынок все равно без подробного списка отправлять нельзя, привезет ерунду, а потом расхлебывай. Вот и сейчас. Прораб продолжал материться, разглядывая пятна на свежеекрашенных стенах.

– Ты меня... в гроб загонишь... Какого... я тебя спрашиваю здесь происходит?! Что это... такое?!

Марат и сам не понимает. Спокойно подходит к мешку шпатлевки, читает инструкцию, пожимает плечами.

– Все, как вы говорили. «Фракция наполнителя 100 микрон, мельчайшие зерна, пластичная основа для гладкой поверхности». Да вы же сами видели, все идеально было.

– Было, – бурчит прораб. – Было да сплыло все. Что ты мне шпатлевку суешь, ты краску давай. Что на банке написано? Какой пэаш, какая паропроницаемость?

Марат слышал про важность пэаш в детских шампунях и в женской косметике, но краска-то тут при чем? Он послушно берет пластиковую банку и дотошно изучает инструкцию. Надо же, действительно пишут пэаш, и загадочная паропроницаемость тоже указана.

– Вот, – показывает он нужные данные, – пэаш смеси – 12,3, коэффициент паропроницаемости 97 DIN 52615.

– Вот... – передразнивает прораб. – Идиот! У тебя тут не только пятна пойдут, ща еще все отслоится к едрене фене. Одна радость – смывать не придется. Ты как краску покупал, придурок?

– По цвету. – Марат еле сдерживается, чтобы не сорваться. Но надо терпеть. Терпеть во что бы то ни стало. Иначе все пойдет насмарку.

– По цвету? – Брови шефа ползут вверх, и он заходится в раскатином, громоподобном смехе. – По цвету... Ну, уморил, твою мать! Ладно, чего уж там. Я сам виноват, не растолковал, как надо. Но, думаю, ты маляр. Маляра среди ночи разбуди, он тебе без запинки отпартирует, по каким критериям краску к шпатлевке подбирать. Так-то. А ты у нас кто?

Марат – студент. То есть был им пятнадцать лет назад. Марийка – тоже студентка-балеринка. Легкая, воздушная, прозрачная. Она ездила поступать в училище – не взяли. Почему не взяли? Она же лучше всех танцует. Марату обидно, а ей хоть бы что. Учится себе на педа-

гога и в ус не дует. Подумаешь, будет выделять па не на сцене, а в классе. Какая разница? Главное – танцевать.

– Я стану известным дирижером, и тебе откроются все театры мира! – Марат говорит серьезно, основательно. Он уверен в успехе. Марийка счастливо смеется, потягивается и устраивается поудобнее у него под мышкой.

– Лучше укради меня, дирижер! – шепчет она.

– Ты серьезно? – Марат приподнимается на локте, Марийка соскальзывает на подушку. – Правда хочешь этого?

– А почему нет? – Черные, чуть раскосые бусинки глаз хитро блещут. Девушка игриво накручивает на палец длинную прядь. Ей так хочется иметь кудряшки. Так, чтобы они подпрыгивали при каждом фуэте, чтобы склонялись в реверансах, пружинили на подпорках и еще чтобы они были яркие, рыжие, огненные. А у нее – идеально гладкие темные волосы, как у большинства киргизок. Марийка кокетливо улыбается юноше, но он не разделяет ее игры. Хмурится, думает, переживает.

– Зачем тебе этот пережиток прошлого?

– Пережиток прошлого? Вовсе нет. Невест крадут сплошь и рядом. Даже в Бишкеке.

– И что? Ты хочешь сказать, что цена тебе пятьсот долларов, конфеты, печенье, баран да ящик водки?

У Марийки начинает подрагивать нижняя губа, она отворачивается, и Марат тут же жалеет о своей резкости.

– Мась, ну, прости меня. Ну, ты же умная девочка, начитанная, образованная. И между нами все решено. Зачем ерундой заниматься?

Марийка надулась, бухтит:

– Просто это так романтично. Но ты разве поймешь? – Она разочарованно вздыхает, а Марат начинает кипятиться.

– Романтично?! Это для тебя, дуреха, романтично. – Марийке – всего восемнадцать, а Марату – двадцать два. Он уже кое-что понимает. – Да ты знаешь, сколько за этой романтикой сломанных судеб, исковерканных жизней, несчастных женщин?! Ты называешь романтикой настоящее варварство, понятно?

– Марат, – Марийка смущена такой горячностью, – но у нас же все по-другому. Я же буду счастливой. Я же добровольно. Это кража понарошку.

– Если ты так поступаешь, значит, поддерживаешь традицию.

– Но это действительно традиция. Красивый, древний обычай.

– Красивый, – кривится Марат. – И это говорит девушка! Как красиво заставлять, принуждать, покупать. Нашла традицию!

– Традиция, – настаивает на своем Марийка скорее из упрямства. – Кого ни возьми из знакомых, у всех бабушек украли. Да и мам у многих. А Нателла? А тетя Айжана? Все этим занимаются.

– Все еще и простыни после брачной ночи вывешивают. Ты тоже будешь?

– Это не одно и то же! – Марийка видит, что Марат не на шутку расстроен, и решает пропустить оскорбление мимо ушей.

– Одно!

– Не одно!

– Одно!

Марийка вскакивает с кровати и начинает торопливо одеваться.

– Ты куда?

– Пойду погуляю.

– Да ладно. Чего ты? Обиделась? Мась, ну ты что, дурочка, замуж, что ли, хочешь? Так давай распишемся, хоть завтра.

– Ты что?! – пугается девушка. – Меня родители убьют. Я же учиться приехала, а не замуж.

– Глупенькая! – Марат нежно обнимает девушку. – «Укради, укради». Ты и так моя.

– Твоя, – соглашается Марийка, и прогулка откладывается.

Откладывается и конец рабочего дня.

– Ладно. Краску я завтра сам куплю с утречка. – Прораб сосредоточенно чешет в затылке. – Только вот это безобразие надо сегодня убрать. И шпатлевочкой еще раз пройти. Чтоб завтра аккурат по сухому и покрасить. Н-да... Это ж сколько мне еще с тобой тут сидеть получается... Часа три, не меньше. Домой ночью явлюсь. Опять Нинка будет обнюхивать да осматривать с подозрением. Никакого понятия у бабы! Работаешь как лошадь, а ей все шашни мерещатся.

Марат усмехается чуть пренебрежительно. Ему, ясное дело, наплевать. Да только стоит на объекте появиться молоденьким проектировщицам, прораб так распускает хвост, что на месте неизвестной Нины он бы тоже стал обнюхивать и осматривать.

– Оставьте мне ключ и идите.

Оставить – не оставить. Уйти – не уйти. Еще напортачит чего-нибудь. Да нет, не должен. Тут делов-то... Гадость эту убрать и зашпатлевать по новой, а шпатлевать этот интеллигентиска вроде наострил. Нет, ну где это видано? Уже год по объектам мотаемся, а он все выкает. И скрытный... Все у них, у интеллигентов, сложно, все в обход, все с закавыками. Даже ребят на расстоянии держит. Не откровенничает. Конечно! Они ему не чета. Другого поля ягоды. Тоже мне, птица большого полета. Орел, твою мать. Думает, сказал «маляр» – и все поверили. Как же. Держи карман шире. Что я, рук его не вижу, что ли? Уже год краску лупцует да клей замешивает, а ладошки все еще гладенькие. С мозолями, конечно, мужские, но не рабочие. Ох, не рабочие руки у нашего маляра. Оставить – не оставить...

– Ладно, – решается прораб. – Твоя правда. Чегой-то мне за тебя отдуваться? И так завтра ни свет ни заря на рынок придется пилюкать. Сиди еще тут с тобой.

Марат молча протягивает руку за ключом.

– Только смотри. Закрой тут все хорошенько. И завтра чтоб пришел вовремя. К девяти мраморщик с электриком явятся.

Марат кивает, убирает ключ и отворачивается. Берется за мастерок. Раз-два, раз-два. Свежая краска оседает на пол то огромными ошметками, то персиковой пылью. Раз-два. Раз-два. Вверх-вниз, вправо-влево. Почти как дирижерская палочка. Не будет он тут ничего закрывать и домой не поедет. Сколько до ближайшего поселка, минут десять? Значит, минут десять туда. Потом еще минут десять на уговоры какой-нибудь Ани, Гали, Вали. Бутылку надо не забыть прихватить, у ребят в подвале припрятана, он видел. Потом купит, принесет назад. Сюда девчонку привести или не надо? Да не. Пожалуй, не надо. Еще привяжется, прикипит. А этого не надо. Он бы и не ходил к ним, девчатам, вовсе, да только куда же от природы деваться. Ведь сам себе противен, а по-другому никак. Не может он по-другому. По-другому либо к проституткам, либо всерьез. К проституткам мерзко, а всерьез невозможно. Раз-два, раз-два, вверх-вниз, вправо-влево.

6

– Раз-два, раз-два, вверх-вниз, вправо-влево. Энергичней, больше нажима. Еще. Не стараешься. Можешь лучше. Раз-два, раз-два.

Роза знает, учительница права. Наталка что-то сегодня не в духе. Носок не тянет, каблук не стучит. Она прикрывает дверь, опускается на банкетку, опять принимается за вязание.

– Вот. Вот. Уже лучше, – доносится из класса, и Роза улыбается. Пошло дело.

Петли перебегают со спицы на спицу под требовательный стук кастаньет. Надо будет в этом месяце как-то извернуться и заказать Наталке новые туфли. Эти уже никуда не годятся. И что за танец такой? Пару месяцев – и обувь долой. А в магазине говорили: «Сносу не будет»... И куда она смотрела? Подошва-то мягкая и тонкая, хоть и подносок ладный, и гвоздей набитых достаточно, и каблук деревянный. Говорят, испанцы и в подошву деревянные вставки делают. Поэтому настоящие сапатеадо звучат. Может, на заказ Наталке сшить? Нет. Это, наверное, дорого. Она ведь и из юбок скоро вырастет. Вон за пару месяцев как вытянулась. А юбки должны быть длинные, не выше щиколотки.

– Роза! – раскрасневшаяся девочка плюхается на банкетку. – Сначала что-то не получалось, а в конце я целых пять дробей с прямой спиной отбарабанила.

– Протанцевала, – улыбаясь, поправляет Роза.

– Неважно, – машет рукой Наталка и продолжает возбужденно рассказывать: – И колени почти ни разу не разогнула. Вот честное-пречестное, – она бьет себя ладошкой в грудь. – А еще Татьяна Михайловна сказала, что через пару недель начнем с веером репетировать.

Ну вот. Еще и веер. Не абы какой, конечно. Специальный. Из тех, что рублей шесть-сот-семьсот стоят, не меньше, а то и больше. Роза вздыхает, складывает вязание. Наталка не замечает ее озабоченности.

– Татьяна Михайловна сказала, если так пойдет и дальше, через год уже можно будет шлейф вводить.

Девочка так уверенно сыплет фразами педагога, что Роза вновь улыбается.

– Хорошо хоть плащ через год, андалуска ты моя!

– Я не андалуска! – тут же обижается девочка, которая не понимает значения слова. – Бабушка говорит, я андалуска! – с возмущением сообщает она уходящему педагогу.

– Бабушка совершенно права, – откликается та, чем ставит Наталку в тупик.

– Ну, и кто такие андалуски? – Наталка натягивает джинсы и испытующе смотрит на бабушку.

– Прародительницы фламенко, а ты не знаешь, – укоряет Роза.

– Ты же мне не рассказывала.

Они направляются к выходу.

– Есть такая область Испании, Андалусия. Там...

– Смотри, – перебивает Наталка. – Опять она.

Да, опять эта женщина. Стоит и смотрит. И что она здесь делает?

7

Андреа и сама не знает, что она здесь делает. Нет, вообще-то она идет домой. Но зачем-то всегда останавливается и смотрит, как двигается этот маленький гений. Смотрит и слышит Пако, смотрит и видит Дима, смотрит и мысленно невольно перебирает струны. Чудаки-стекляшки все перепутали. Теперь прохожие видят все, что творится в зале, а юная танцовщица никого не замечает. Хорошо. Андреа может спокойно наслаждаться. Она уже выучила расписание прелестной «испанки». Девочка танцует каждый день, кроме выходных. Хотя, может, и в выходные тоже. Просто Андреа по выходным не работает и не знает, занимается девочка или нет. Она уже целый год здесь. Понедельник, среда, пятница с девятнадцати до двадцати. Андреа в семь заканчивает, добегают за пять минут до зала и смотрит. А по вторникам и четвергам малышка фламенкирует в обед. Андреа садится в кафе через дорогу и наблюдает. Очень удобно. Вечера вторников и четвергов у Андреа заняты. У нее Карлович. А сегодня пятница. Андреа не спешит. И, как обычно, не успевает уйти, варится в своей скорлупе, жонглирует воспоминаниями, стоит у окна, как истукан.

– Странная тетя, – долетают до нее слова проходящей мимо малышки.

А, да это же сама танцовщица. Уже переделалась. Женщина тянет ее, уводит подальше от Андреа, а любопытная проказница все оборачивается, дергает свою провожатую:

– Ну, посмотри же, ба! Говорю тебе, она странная!

– Не придумывай! Никакая она не странная! – возражает Роза, но в душе соглашается с внучкой. Еще раз увижу, поговорю с ней. Зачем она сюда ходит? Нет, неудобно. Незнакомый человек. Ну и что? Я вежливо спрошу, и все. Скажу, что смущает ребенка.

Роза не всегда сидит и вяжет, иногда она выходит в магазин и почти всегда видит Андреа. Она смотрит. Странная женщина!

8

– Ничего я не странная! – вспыхивает Андреа.

– Конечно, странная, – упорствует Алка. – Тебе предлагают поездку. Причем на родину, а ты не хочешь.

– Не хочу, – отрубает Андреа. «Не могу, – думает она. – Не могу поехать и не увидеть маму. А если она меня увидит, то сразу поймет, что все ни капельки не хорошо. Все просто ужасно. Самое настоящее mierda¹⁴». Андреа любит сеньору Санчес. Андреа бережет мать. Зачем ей знать, что ее дочь превратилась в улитку? Вот уже два года Андреа кормит маму сказками о бесконечных гастролях, плотном графике и бла-бла-бла. Та, естественно, обижается. Только лучше пусть обижается, чем страдает. По крайней мере, так она думает, что у Андреа все хорошо.

– Значит, не поедешь? – хмурится Алка.

– Не поеду. На выставку вполне можно взять временного переводчика.

– Я говорю: странная! – не унимается подруга. – Это же мебельная выставка. Понимаешь? Мебельная.

Алка так вкусно произносит это слово, что Андреа невольно улыбается.

– Ну, что ты смеешься? Ты только представь, какие там диваны, козетки, кресла... А свет? А кухни? Анька! Какие там кухни! Нам с тобой и не снились. Вот где хай-тек! Полочки, железячки, ручки, кронштейны, фурнитура. Я бы на такой кухне готовила и готовила. А ты даже посмотреть не хочешь!

– Зачем смотреть, если купить все равно нельзя?

– Чтобы получить это, как его? Удовольствие эсе... эсте...

– Эстетическое, – подсказывает Андреа.

– Вот, правильно. Эстетическое. Ну, что, я не права разве? Эй, ты куда опять уплыла?

– Ну, ты нашла эстетов. Шанель, Уорхол. Я не согласен, – качает головой Дим.

Он пропадает в Гнесинке: скоро сессия, и надо подтянуть обязательные предметы. Гастроли закончились, новых предложений пока нет. По вечерам Дим бренчит в ресторане, Андреа не берет, бережет. И она развлекает себя сама: репетирует роль домашней хозяйки, культивирует идею уютного дома, пыхтит над его созданием. Сегодня она точно превзошла себя: ездила в консерваторию (там у однокурсницы Дима бабушка билетершей работает, раньше аккомпаниатором была, а теперь руки не те), натерла полы в фойе вместо нехстати заболевшей уборщицы. Деньги? Деньги им с Димом очень нужны. Но у Андреа есть мысль и получше. Ее пускают в запасники и разрешают взять копии понравившихся афиш.

Она перебирает пыльные рулоны, заглядывает в трубочки, разворачивает, чихает, в ужасе смахивает с бумаги случайные капли, не дыша, ласкает пальцами выцветшие имена: Рихтер, Шостакович, Ойстрах, Чайковский... Она знает наизусть его «Детский альбом». А это что? О... Кумиры современности: Каррерас, Паваротти, Хворостовский. А тут? Очень интересно! Да это же просто клад: «Джипси кингс», Сезария Эвора, Иглесиас-старший, Глория Эстефан... Какой чудак притащил эти постеры в хранилище консерватории? Андреа счастлива. Она уходит, обвешанная рулонами, спешит все сделать до прихода Дима. Прощайте серые, скучные обои в мелкий, рябой увядший цветочек!

Девушка с восторгом осматривает свою работу: теперь ни у кого не возникнет ни малейшего сомнения, куда они попали. Привет. Здесь живут Андреа и Дим – полиглоты музыки. Не верите? Взгляните на стены. Справа – сплошная классика: Моцарт, Лист, Берлиоз. Чуть подальше – Иоганн Штраус, не в очень приметном месте. Дим считает его слишком легким,

¹⁴ Дерьмо (исп.).

бездумным, предпочитает мрачность и экспрессию однофамильца, а Андреа так любит оперетту, и песни, и вальс. Дим говорит, искусство должно заставлять мыслить, питать мозг, порождать идеи, задавать вопросы. Андреа согласна, но у нее все по-другому. Музыка кормит душу, вызывает к чувствам, наполняет жизнь каким-то другим, иррациональным, высшим смыслом, находит истину, дарит ответы. «Baryn de gitanos soy¹⁵...» – напевает она, направляясь к левой стене. Здесь настоящие кумиры хозяина дома: Джо Сатриани, Стив Вай, Ингве Мальмстин, Брайан Мэй, Эрик Клэптон, Карлос Сантана и, конечно же, Пако. Андреа сосредоточенно думает несколько секунд, потом решается. Достает заветную струну и приклеивает ее к бумажному грифу. Отлично. Так. Что у нас над дверью? Здесь просто полет фантазии: исписанные бемолями и диезами ноты, тексты известных арий, фотографии (прихватила из дома). Диму особенно нравится эта: Андреа восемь лет, она сидит за роялем, кудряшки перехвачены бантом, лоб наморщен, руки напряжены, а ноги... ноги живут своей жизнью: правая засунута под попу, левая стряхивает надоевшую туфлю. Да, дверь получилась веселенькая. Девушка оборачивается к окну: это вершина ее творчества. Сразу две Мэрилин (розовая и зеленая) и еще несколько бумажных изображений людей, достойных, по ее мнению, восхищения: Шанель, Хемингуэй, Феллини и Горбачев. Дим оценит... Не оценил.

– Ладно. Шанель уберем, – вздыхает Андреа. – Некоторые факты ее биографии далеко не эстетичны. Согласна. Но Уорхол, уж извини.

– Ну и в чем его эстетизм? В чем? Докажи.

– Да во всем. И в жизни, и в работах.

– В работах? Но это просто смешно.

– Хорошо, тогда что, по-твоему, эстетизм?

– Изящество, красота.

– Чем же не подходит Уорхол? – кипятится Андреа. – Кто, если не он, так изящно совместил искусство с дизайном, уникальное с серийным, актуальное с вечным? Кто еще так умеет смешивать стили, стирать границы? Хочешь, я скажу тебе?

– Скажи. – Дим несколько обескуражен.

– Пако, – подводит черту Андреа. – А разве Пако не эстетичен?

Пако эстетичен. С этим Дим, естественно, соглашается. Пусть и Уорхол будет эстетичен, если Андреа так хочется.

Теперь они живут в афишной тумбе. Андреа то и дело добавляет штрихи, меняет исполнителей и даты выступлений, переделывает коллажи, создает творческую атмосферу. Дим заваливает экзамен, на носу пересдача. Он готовится. Морщась, учит теорию. Андреа заменяет его в ресторане, волнуется, пробует на жующей московской публике испанскую гитару. Успех, аплодисменты, приглашения играть на свадьбах, банкетах, юбилеях, корпоративах. Compliments, улыбки, гонорары. Новая куртка, новый мобильник, новая мебель. Начало новой жизни и начало конца.

Андреа довольна, Дим злится:

– Для кого ты играешь?

– Для людей.

– Для каких? Они не понимают, что ты играешь, кого играешь, как играешь. Им наплевать. Тебя приглашают для развлечения.

– А разве игра в ресторане не развлечения?

– В ресторан вполне может заглянуть какой-нибудь музыкальный продюсер. Ресторан – это путевка в будущее. Я там играю для себя, для тебя.

Андреа не понимает. Она играет ради них двоих, ради семьи, ради дома, ради жизни, ради счастья.

¹⁵ «Я цыганский барон...» (исп.).

– Ты сноб!

9

«Я сноб. Самый настоящий сноб». Марат ненавидит себя за пренебрежение к работягам, за высокомерие, за невозможность разобрать стену, которую так старательно возводила между ним и простым людом судьба. В том, что он такой начитанный, образованный, культурный, нет никакой его заслуги. И незачем сравнивать себя с неучем из глухой северной деревни, который наперекор уготованной участи промыслового рыбака стал первым российским академиком. Нет, в отличие от Михаила Васильевича у него не было никаких данных и никакой особой склонности к интеллектуальному обогащению. Зато были все условия: папа – поэт, сын поэта, мама – певица, дочь режиссера и актрисы. И соответствующая обстановка: творческая интеллигенция в доме не переводилась, свободомыслие приветствовалось, проба пера поощрялась. У Марата было все для пополнения копилки знаний: столичная жизнь (Фрунзе не Москва, но театров, музеев и выставок горожанам хватало); огромная дедушкина библиотека, где мальчик с удовольствием просиживал штаны, пока его сверстники мерялись силой в аркан-тартыш; школа с английским уклоном, бесконечные поездки в международные лагеря, общение с иностранцами и, конечно же, музыка. Марат всегда и во всем был лидером. Он разрывался между мечтами о первой скрипке, ударных и саксофоне. Он хотел всего сразу: руководить, направлять, организовывать, сочинять и отправлять в плавание, подхватывать и выбрасывать на берег, поддерживать и вдохновлять, приводить в движение и останавливать... Потом уже он хотел только одного: стать дирижером. Но его подвели к этому желанию, направили. Он вдохнул творческую профессию, впитал ее с молоком матери, как впитывал правила поведения, речи, общения. Марату все показали, все рассказали, поднесли на блюдечке с голубой каемочкой. И он ничем не лучше тех, кого не научили тонкостям этикета, витиеватым речевым оборотам или молчаливой тактичности. А может быть, даже хуже, потому что до сих пор продолжает считать себя лучше своих напарников. А чем он лучше? Тем, что брезгует их обществом? Тем, что знает, кто написал «Хованщину» и что это такое? Тем, что даже в полевых условиях ест ножом и вилкой? Что не рассказывает скабрёзных анекдотов? Может читать Шекспира по-английски? А кто сказал, что знание Шекспира важнее умения идеально белить потолки? Марат знает, кто это сказал. Когда он приносил из школы плохую отметку, его бабушка театрально хваталась за сердце. «Боже, – восклицала народная артистка Киргизской ССР, – ты станешь дворником, грузчиком, сантехником, маляром!» Ну, маляром Марат уже стал. Нет, хуже. Он стал пародией на маляра. Непрофессиональный маляр гораздо хуже профессионального. А вот профессионалы-напарники от него нос не воротят, чувствуют его отношение, а все равно обращаются по-рабочему, по-простому: дубасят по плечу, обдают запахом «Беломора», стелют для него газетку на соседнюю табуретку, приглашают выпить пивка и закусить вяленой требухой. Они проще, честнее и лучше. Марат каждый день отказывается, а ребята продолжают предлагать. Своеобразный ритуал, теннис. Слова, как мячик, летают по комнате, и только непрофессиональный маляр видит сетку, через которую они перелетают. «У каждого человека есть выбор, как жить, кем стать, чему служить», – назидательно говорила бабушка. Наверняка из какой-нибудь роли. Был ли выбор у этих работяг? У Марата был.

– Слушай, Мась, – Марат наблюдает за Марийкой. Левая нога на полупальцах, правая вытянута в струнку на станке. В черном трико девушка кажется еще тоньше, чем есть на самом деле. – Надо что-то решать...

Марийка поворачивается. Теперь она уже стоит на ковре всей левой ступней, а правая нога стрелой вытянута вверх. Девушка отрывает лоб от колена, стреляет в Марата вопросительным взглядом, но продолжает совершенствовать растяжку.

– Давай, Плисецкая, садись. Твое время вышло. Ты уже пятнадцать лишних минут скачешь.

– Ладно, – неохотно останавливается балерина. Устраивается рядом с Маратом на подоконнике. – Какие есть варианты?

– Ну, первый ты знаешь. Остаюсь пока здесь. Могу пойти в аспирантуру, могу преподавать, по вечерам поигрывать где-нибудь. И женимся сразу, конечно, как только ты скажешь.

– Угу, – мечтательно тянет Марийка.

– Ты не будешь слушать второй?

– Ну, давай, говори.

– А второй – сразу же идти дирижировать, пока меня заметили. У меня после экзаменов приглашения от двух оркестров вторым дирижером, – Марат не может скрыть своих предпочтений.

– Гастроли, поездки, поклонницы... – надувает губки девушка.

– Мась, гастроли, поездки, весь мир. Весь мир к твоим ногам, слышишь? Хочешь, давай поженимся, поедем со мной, доучишься заочно.

Марийка мотает головой, на ресницах блестят слезинки.

– Кто мне заочно партии показывать будет? Твои оркестранты?

Марат обнимает девушку, прижимает к себе:

– Давай поженимся, и ты останешься доучиваться. Будем ездить друг к другу – и все дела.

Марийка думает, морщит лобик. Она похожа на маленького пингвинчика, который никак не может принять решения, прыгать ли за рыбой в ледяную воду или подождать, пока мама принесет улов. Наконец девушка вновь отрицательно качает головой. Каждой частичкой лица она выражает обиду: крохотные мочки ушей, пуговка носика, ниточки бровей.

– Почему? – не понимает Марат.

– Родители не поймут, – шмыгает она носом. – Скажут, жена должна следовать за мужем, а я учиться хочу.

– Ну, что за глупости! – сердится Марат. – Каменный век какой-то.

– Почему каменный век? – кидается в атаку Марийка. – Разве люди не должны жить вместе?

– Не должны.

– Как не должны? – Она растеряна. Еще не научилась чувствовать Марата с полувзгляда, понимать с полуслова.

– Не должны, Мась. Ни друг другу ничего не должны, ни тем более обществу. Двое могут жить так, как хотят, если никому не причиняют вреда. Это прекрасно, если есть возможность быть все время вместе. Ну, а если нет? Я не буду решать за двоих. Хочешь, чтобы я остался, останусь.

– Я должна решать? – вспыхивает Марийка. – Я хочу, чтобы ты остался. Но уезжай! Я не собираюсь ломать твое будущее.

– Да почему ломать? Это просто временный выбор.

– Это выбор на всю жизнь, Марат. Если ты останешься, а через два года, когда я закончу учиться, ты не найдешь себе места в оркестре, то проклянешь и меня, и себя, и всю нашу лавстори. Думаешь, я маленькая совсем, не понимаю?

– Ничего я не прокляну!

– Значит, я сама прокляну! Если бы ты хотел остаться, ни о каком выборе не было бы и речи.

Марийка права. Марат хочет работать в оркестре, в хорошем оркестре, в знаменитом. В таком, чтобы нарасхват по всему миру. Чтобы у Марийки, у его Марийки, все было: и успех, и роли, и слава, и счастье. Он думает, что счастье где-то там. Он ошибается. Счастье пока еще здесь. Он уедет, счастье улетит.

Марат уедет. Он же не знает, что счастье крылатое.

10

– Ваше счастье, что успели переделать. Не идеально, конечно, но что взять с идиотов! Куда только муж смотрел, когда вас на работу брал! – Хозяйка дома осматривает свежеекрашенную комнату, театрально прикрыв напудренный носик кружевным платочком. – Развели грязь, не продохнуть. Что за вонища!

– Так это... Людмила Сергеевна... краска же... – лебезит прораб.

Людмила Сергеевна двадцати лет от роду пересекает комнату на высоченных шпильках. Марату кажется, что на него летит длинный, тонкий фонарный столб. Но столб замирает возле окна и резко распахивает ставни.

– А окно открыть вам, естественно, в голову не приходит? – грубо и презрительно бросает хозяйка.

– Мы... Да... Не подумали как-то... Уж простите... Не сердчайте, голубушка. Пойдемте другие помещения посмотрим. В ванной плиточку положили. Очень славненько получилось. – Прораб неловко пританцовывает перед молоденькой стервой, продолжая заискивать.

Марат с грохотом закрывает окно.

– Что? Что вы себе позволяете?

– Исправляю вашу глупость. Здесь бордюр обойный, и в барельефах огромные тканевые куски. Окно распахнем, все отклеится.

– Вы, кажется, сказали, что я глупа! – багровеет девица.

– Я сказал, что вы поступили глупо.

– Не вижу разницы!

– Что ж, тогда, наверное, вы действительно глупая.

– Что?! – визжит Людмила Сергеевна, а прораб хватается за сердце. Но Марат уже не может остановиться.

– Конечно. Как я сразу не догадался! У вас же все приметы глупца и невежды: сердитесь без причины, говорите без нужды, вмешиваетесь в то, что вовсе вас не касается. – Марат никогда не разделял мнения Гоголя, который утверждал, что «глупость составляет особенную прелесть хорошенькой женщины».

– Ну, вот что: либо вы все убираетесь отсюда и я найду другую бригаду, либо пусть убирается он. – Острый красный длинный кошачий ноготок намерен уничтожить отвратительного маляра, но Марату уже все нипочем.

– О, не волнуйтесь, – обращается он к обезумевшему от ужаса прорабу. – Конечно, я уступлю. «Наиболее умный всегда уступает». Какая великая мысль, вы не находите? – оборачивается он к наглой девице уже от порога. – Она объясняет причину господства в мире глупости.

Марат не спешит уходить. Куда торопиться? Да и расчет получить надо. Не зря же он тут месяц пыхтел. Он уже жалеет о сказанном. Чего взъерепенился? Обидно, конечно, когда с тобой обращаются как с последним дерьмом, но только что он выиграл? Немного самоуважения? На нем долго не протянешь.

Марат сидит на сложенных за домом досках, ждет, когда отчалит Людмила Сергеевна. Ему бы торжествовать, а хочется отчаянно зарыдать или тихонько заскулить, как собака.

Собака действительно скулит. Тычется мокрым носом в карман Марата, в его руки, призывает к действию.

– Думаешь, это будет справедливо? – сомневается горе-маляр. Выуживает из кармана заботливо завернутый вчерашней знакомой бутерброд.

– Смотри, с колбасой, – протягивает кусок приبلудному псу. Собирается отправить вторую половину в рот, но глаза собаки, из которых льется вековая грусть, уже успели проглотить и эту часть лакомства.

– Ну что ты за человек такой! На, ешь. Ешь и иди отсюда. Из нас команды не выйдет. Ты – бездомный, я – безработный. Ты попросил, я отдал. И все. На этом кончено. Э-э-э... Постой! Зачем ты садишься рядом? Не надо. Отстань, тебе говорят. Ну, как ты не поймешь?! Это совсем не сказочная встреча. Смотри: я не кот, не петух и, уж конечно, давно не трубадур. Хотя на осла, наверное, сгожусь. Но это ничего не значит. Зачем тебе в напарники осел? Я ни подлизываться не умею, ни просить, ни унижаться. Сытым со мной не будешь. Бутерброд – это просто случайность, нечаянная радость. Так что давай, беги. Поверь, я не остановка в твоей судьбе, а случайный полустанок. Раз, и проехали, понимаешь?

Собака не смотрит на Марата, но и не уходит.

– Ладно, хочешь сидеть – сиди. Только ничего тебе интересного предложить не могу. Разве что посмотреть на небо. Видишь, какое оно? Хотя ты, наверное, не видишь. Говорят, собаки не различают цветов. Как же тебе объяснить-то? Ну, ты хотя бы понимаешь, что оно сейчас ровное, гладкое? Без фигур? Ты когда на небо смотришь, представляешь, что перед тобой проплывают косточки, антрекоты, голяшки? Да? Прекрасно. Видишь, ничего мясного наверху сейчас нет. Значит, нет облаков. Значит, небо чистое. А когда оно чистое, оно – голубое...

– Оно голубое.

– Тебе не нравится? – расстраивается Марат.

– Нет, что ты?! – Марийка кружится перед зеркалом. – Просто необычно как-то. Я еще невест в голубом не видела.

– Значит, ты будешь первая.

– Здорово! – Девушка приподнимает криолин, встает на цыпочки, прохаживается туда-сюда, будто на каблуках, пританцовывает. – Мы должны обязательно танцевать вальс. Будешь учиться?

Марат снисходительно кивает.

– Ура! – визжит Марийка, кидается ему на шею, забыв, что на ней килограммы ткани. – Давай вставай. Надевай туфли. Ой, ты же в кроссовках. Ну, ладно, для первого раза сойдет. Сейчас подберем музыку. Да отпусти меня, платье помнешь.

Она вальсирует через комнату к проигрывателю, копается в дисках, потом неожиданно откладывает их, оборачивается, помрачневшая.

– Что ты, Мась?

– Да какой смысл сейчас тебя учить? Все равно за два года все забудешь.

– А мы с тобой в каждую встречу репетировать будем.

– Где? В твоих гостиничных номерах? Это же не комнаты, а шкафы какие-то. Разве можно танцевать вальс в шкафу? – Марийка совсем расстраивается, а Марат улыбается.

– Что ты смеешься?

– Чудачка ты! – Марат не сводит глаз с юного, нежного голубого облака. – Я у тебя кто?

– Ну, дирижер.

– Не «ну, дирижер», а просто дирижер. А дирижер где работает?

– В оркестре, – пожимает Марийка плечами.

– А оркестр где играет?

– В яме, – хохочет девушка. Марат решительно не собирается терпеть такого издевательства. Не обращая внимания на кокетливые увертки и игривое упорство, он вытряхивает Марийку из платья и доказывает ей, что умеет отлично дирижировать не только оркестром, но и женским телом.

– Значит, мы будем танцевать на сцене? – спрашивает она чуть погодя.

– Угу... – урчит довольный Марат.

– По-настоящему?

– Угу...

– Ну, давай, давай, – задергала, затормошила. – Вставай. Одевайся скорей. Да, ладно, и без футболки нормально. Так, держи меня. Не здесь, выше. За талию возьми. Да не прижимай ты так, я же задохнусь. Вот. Теперь нормально. Ну, поехали: раз-два-три, раз-два-три...

Марат шурит колючие глаза. Небо чистое – солнце жгучее.

– Эй, мужик, – долетает из дыры в заборе. – Вы чего тут с собакой сторожите, что ли?

На территорию протискивается молодой парень в темном костюме. В ухе – гарнитура, в руке – рация, в голосе – подозрительность, во взгляде – металл.

– Мы...

– Платят нормально?

– Не жалуемся, – усмехается Марат.

– Слушай сюда. В два раза больше, чем у тебя сейчас, и перебираешься сторожить к нам. Только срочно надо. Сторож отвалил, а шеф ремонт только начал. Дом поставили, кучу материала для отделки завезли, а сторожить некому. Давай, не раздумывай. Оружием обеспечим, главное, у тебя пес в наличии. Местные туда, где собаки, не шастают.

– Ты знал? – шепчет Марат, и ему кажется, что пес лукаво подмигивает и слегка наклоняет нечесаную морду. – Нам еще корм понадобится для работника, – кивает он в сторону мохнатого спасителя.

– Сделаем. Пошли.

– Ну пошли, – поднимается Марат. Собака трусит за ним.

Они идут по тропинке к одному из многочисленных строящихся в округе особняков. Этот, пожалуй, самый претенциозный. Хотя, несмотря на масштаб работ, уже сейчас видно, что размах будет выполнен со вкусом.

– Неплохо дизайнеры поработали, – не скрывает одобрения новый сторож.

– Да не, какие дизайнеры. Это все шеф сам идеями фонтанирует.

– Любитель Гауди, – оглядывается по сторонам Марат.

– Что?

– Ничего.

Черт, чуть не выпал из образа сторожа. А местечко на редкость интересное. Просто настоящий памятник «пламенеющему» варианту испанского модерна: параболические бетонные арки, многочисленные детали, узкие окна, галереи, монументальный вход, угловые башенки со шпильями, причудливый декор. В общем, смесь неоготики с модехарой¹⁶. И сад обещает стать мини-копией «парка Гуэль». Отделка еще не начата, но видно, что парк – нерегулярный, а под пленкой бережно покоятся глыбы необработанного камня и ждет своего солнечного часа цветная майолика.

– Мы, пожалуй, останемся.

Марату сложно признаться, что ему любопытно познакомиться с хозяином особняка. За год «малярных работ» ни один из работодателей не вызвал в нем ни грамма интереса. А тут за один день – и небывалое раньше раздражение, и неподдельное удивление. Что это? Равнодушие разжимает тиски?

– Ну, ты оглядись пока. Сейчас вернусь, покажу сторожку.

– Слушай, – не может удержаться Марат. И что это с ним сегодня такое? – А если я тут прихвачу что-нибудь из штучек-дрючек и смоюсь по-тихому?

¹⁶ Мавританские и ориентальные мотивы.

– Чего? – Тип в костюме смотрит на сторожа, как на сумасшедшего. – Даже не думай. Найдем и закопаем вместе с собакой.

Пес поджимает хвост.

– Не дрейфь, – шепчет Марат. – Ничего с твоей шкурой не случится. И вообще, ты слышал? Я выбил для тебя полный рацион. Так что с тебя причитается.

Собака отворачивается, сооротив, как кажется Марату, презрительную морду.

– Ну, не злись, дружок. Конечно, это все ты для нас устроил. Спасибо. Меня, кстати, Марат зовут. А тебя? Ну-ка, ой, да ты девочка. Извини. Значит, ты вторая сучка, встреченная мной сегодня. Извини, брат, судьба. Будешь Милой. Да, и охранять архитектуру Гауди Миле вполне подойдет¹⁷.

¹⁷ Последняя завершенная работа Гауди, известная под названием «Ла Педрера» (каменоломня) – дом Милы. Дом построен архитектором в Барселоне по заказу коммерсанта Пере Мила-и-Кампс. В 1984 г. дом объявлен ЮНЕСКО частью всемирного наследия.

11

– Вот эта подойдет, – Андреа придирчиво рассматривает открытку. – Это точно Стокгольм?

– Да, пиши.

Дорогая мамочка!

Не могу показать тебе свое изображение, поэтому посылаю изображение города, где мы сейчас играем. В Швеции тоже успех. Потом будет...

– Куда ты потом?

– Милан и обратно домой.

...Милан – и опять Москва. Прости, Мадрид снова не попадает в график. Привет папе, всем сестричкам, Марио и детишкам. Пепе понравилась неваляшка?

Целую вас, люблю, позвоню. А.

– Держи. Опустись в Стокгольме, ладно? А с Миланом у тебя открытки случайно нет?

– Нет, – расстраивается Зоя. – Там я еще не была.

– Тогда покупаешь там, оставляешь на ней след от помады, чирикаешь букровку «А», и огромное, огромное тебе спасибо.

– Да не за что. В первый раз, что ли?

– А ты почему такая грустная? – Обычно перед поездками Зою лихорадит, она беспрерывно щебечет, рассказывает о планах, о нарядах, которые возьмет с собой, о ресторанах, в которых будет обедать, о приемах, на которых будет блистать. Ее швед – большая шишка. Андреа думает, ей нет никакого дела до Зоиной болтовни, но сегодня подруга молчит, и Андреа не по себе.

– Я согласилась познакомиться с его мамой, – сообщает Зоя с неподдельным трагизмом.

– Ну и молодец. Давно пора.

– Ты не понимаешь! А вдруг я ей не понравлюсь?!

– А вдруг я им не понравлюсь? – Андреа подбрасывает на ухабах проселочной дороги. Она испуганно хватается за низ живота и делает отчаянные знаки. Машина тормозит. Девушка выползает из «уазика», и ее долго, надрывно выворачивает. Андреа бледная, изможденная, уставшая, отчаявшаяся, беременная и довольная.

– Устала, бедненькая? – Дим заботливо обнимает жену.

– Ничего. Это все ерунда. Я привыкла. Просто волнуюсь ужасно.

– Не волнуйся. У твоих же все удачно прошло.

Да, в Мадриде все было просто прекрасно. Два года назад, через месяц после победы на «Фернандо Сор». Прилетели из Рима, свободный час перед концертом, после выступления – переезд в Барселону. «Мам, пап – это Дим. Мы вместе гастролируем, то есть мы вообще вместе...». А потом у Пас начинаются схватки, и всем сразу не до новостей Андреа. Через год:

– Мам, мы расписались.

– О... Ну... Поздравляю, дорогая. Вы должны приехать сюда и сделать все как надо, слышишь? С мантильей, с падре и со всеми нами, наконец. И потом, мы так и не познакомились с зятем. Как у него дела?

– Знаешь, Дима пригласили...

– Ах... Прости, милая. Мария хнычет, у нее опять режутся зубки. Кажется, пошли клыки. И это что-то ужасное. А Пас вышла. Все. Целую, целую. Звони.

И еще целый год подобных разговоров.

– У тебя там случайно нет сестрицы на сносях?

– Нет, – улыбается Дим. – Ты будешь гвоздем программы.

Машина с непонятным названием (почему человек, любящий свою родину, должен ездить на плохоньком подобии внедорожника?) уже несется по ровной дороге, но Андреа только больше трясет.

Зря трясет. Отличные у Дима родители. Мама приветливая, хоть и смотрит настороженно. Правильно смотрит. Уже год, как расписались, а не сообщили. Будто они Диму чужие. Андреа говорила, надо. Да только разве Дима убедишь в чем-то? Он бы и не ходил в загс, если бы не испанское происхождение невесты. Легче уж штамп поставить и не париться с приглашениями, визами, разъездами туда-сюда. Теперь ходит Андреа, консультируется с юристами, оформляет документы. Ребенок родится, ему надо гражданство давать. А какое?

Папа у Дима и вовсе родной: мягкий, добрый, уютный. Улыбается в седоватые усы, смотрит лукаво, но взгляд почему-то грустный.

– А ты чем занимаешься? – интересуется, но не пытается.

– Я тоже гитаристка. Не такая, как Дим, то есть Вадим, но первую премию на «Фернандо Сор» получила. А вы чем занимаетесь?

– Молодец девчонка! Ну, пойдем, пойдем, покажу тебе...

– Есть что-то новое? – оживляется Дим.

– Есть. Потом посмотришь. – Приглашают только Андреа.

Они долго идут по холодным, темным коридорам, заглядывая по пути за тяжелые двери: гостиная, столовая, спальня, несколько гостевых комнат. Везде идеальный порядок, отчего у девушки невольно возникает ощущение какого-то уныния, мрачной безжизненности, гнетущей тишины, пустоты, одиночества. Нигде не видно ни забытого на столе стакана, ни оставленной на прикроватной тумбе книги, ни раскиданных по ковру игрушек. Комнаты похожи друг на друга, выдержаны в одном тяжелом, классическом стиле. Она понимает, почему Дим не любит рассказывать о доме, не скучает по родным стенам, не вспоминает семейный уют. Что можно чувствовать по отношению к безликой гостинице?

В Мадриде все по-другому. Такой же большой дом, но наполненный, даже переполненный звуками, красками, предметами, людьми, событиями. Справа от холла – кухня. Там всегда гремят кастрюли. Пройти мимо и не заглянуть невозможно. Струящиеся из-за двери запахи призывают каждого зашедшего в дом незамедлительно последовать примеру Гаргантюа. Бабушка и тетя Анхелика беспрерывно громко спорят и уже двадцать лет не могут договориться, какой густоты должен быть гаспачо, добавлять ли в паэлью зеленую фасоль и на каком огне лучше жарить чулетас. Из ванной почти всегда доносится шум Ниагарского водопада. Франсиска (младшая сестренка) либо смывает с себя блеск и грохот ночной дискотеки, либо болтает там по телефону, чтобы никто из домочадцев не стал свидетелем ее сердечных тайн. В зале часто происходит все сразу: работает телевизор, играет рояль, потрескивают поленья в камине. Папа, громко бранясь и жестикулируя, гонит Бэкхема к воротам, подпрыгивает на диване, отчаянно стучит кулаком по деревянному подлокотнику. Мама невозмутимо расчесывает маленькую йоркшириху Линду, мурлыча себе под нос что-то из Бернаоло. На лестнице всегда можно встретить Хорхе – старшего внука. Мальчуган или катается по перилам, или выстраивает на ступеньках хронику Трафальгарской битвы, или прячется с пистолетом за пузатой амфорой, чтобы неожиданно напасть на первого проходящего мимо. Наверху – спальни обитателей дома. Светлая, легкая, воздушная – хозяев. Строгая, классическая, с тяжелыми гардинами, альковом и дубовым комодом – бабушкина: на буфете отсчитывают время золоченные часы эпохи диктатуры, у кресла угрожающе застыла инкрустированная трость. Слева по коридору – комната Пас и Марио, вся в средиземноморском стиле: кованая мебель, тяжелое стекло, ширма, а за ней примостился стол с множеством баночек, скляночек, пробирочек, бутылочек, мензурочек. В центре стола – два микроскопа. Пас и Марио – химики. Рядом – дет-

ская. Раньше в обойном царстве Микки-Маусов правил только Хорхе, потом по воле родителей пришлось ему разделить власть с Марией. По соседству с детьми обитает тетя Анхелика. У нее не комната, а кладбище любовных романов: толстых и тонких, жестких и мягких, испанских и иностранных, счастливых и трагичных, прочитанных и нетронутых. Одинокая пожилая женщина в свободное от кухонных баталий время с восторгом упивается чужими выдуманными страстями. Ну, а в конце – комнаты девочек: у Франсиски – нежная, розовая, трогательная, аккуратная; у Андреа – яркая, агрессивная, требовательная, разбросанная: на стульях – вещи, на полу – ноты, на подоконнике – книги, альбомы, диски.

Андреа привыкла наделять дом характером, атмосферой, жизнью. У них с Димом теперь тоже живая комната: со своей историей, со своей религией, со своим пафосом. В темных переходах здания, по которым она механически передвигается вслед за свекром, царит бездушность: ни картин на стенах, ни фотографий, ни бессмысленных безделушек. Никогда еще Андреа не приходилось бывать в таком бесчувственном, вымершем доме.

Они спускаются по винтовой лестнице в темную ночь подполья, свекор отодвигает тяжелый засов, распахивает дверь – и Андреа попадает в рай.

Такого она не видела никогда. Ни в Испании, ни в музее Глинки в Москве, ни в частных коллекциях. Она вообще еще никогда и нигде не видела такого количества гитар, даже в музыкальных магазинах, в которых они с Димом частые гости. Все стены тридцатиметровой комнаты увешаны гитарами разных форм и размеров, гитары лежат и стоят на полу, на подставках и без, шестиструнные и семиструнные, классические, акустические, электрические, у некоторых отсутствует гриф, у других – не натянуты струны. Да, дело не в количестве инструментов, а в их многообразии. Когда Андреа вновь обретает способность говорить, она задает единственный пришедший на ум вопрос:

– Вы собираете гитары?

– Ну, в каком-то смысле собираю. Я их делаю.

– Как делаете?

– Руками, – смеется свекор, обрадованный произведенным эффектом, а Андреа ругает себя за глупость. Как будто она не знает, как делают гитары.

– Все-все сами?

– Все-все. Иди-ка сюда. Смотри, – свекор снимает со стены обычную на первый взгляд гитару, – попробуй.

Андреа охотно извлекает несколько звуков. Гитара как гитара. Ничего особенного. В глазах свекра хитрые искорки.

– А теперь слушай. – Он садится, кладет инструмент себе на колени, ловким движением достает откуда-то металлическую пластину с закругленным ребром и начинает играть на гитаре так, как обычно играют на гуслях. Музыка становится протяжной, звук – певучим, льется сентиментальная, немного грустная мелодия.

– Слайд-гитара? – со знанием дела спрашивает Андреа.

– Профи. – Звучит одобительно, без издевки. – Это гавайский вариант. Видишь, струны высоко подняты над ладами?

– А батл нек у вас есть?

– Эй, детка, да ты и Вадиму фору дашь. Здесь все есть: и батл нек, и добро, и нэшнл, и педалл-стил. Вот эта – нэшнл, звук резкий, но быстро гаснет, хороша для исполнения блюза, а вон та, с испанским грифом – добро, у нее звук мягкий, кантилена яркая. Такие гитары любят фолк-музыканты.

– А это что? – Андреа зачарованно смотрит на диковинный инструмент, не решаясь дотронуться: гитара похожа на двуглавого орла, у нее два грифа, а внизу, будто лапки птицы, расходятся несколько педалей.

– О... Это вещь. Похожа на арфу, правда? Это педальная стилл-гитара. С помощью педалей и коленных рычагов можно менять натяжение отдельных струн прямо во время игры, переиначивая строй всего инструмента. Хочешь попробовать?

– Здесь десять струн.

– Да. Тебе повезло. Бывает еще двенадцать.

Так они ходят от инструмента к инструменту. Андреа пробует свои силы на каждом: от пятиструнного банджо до лап-стила. Сначала легонько дотрагивается до струн, боясь потревожить инструмент, оскорбить его неправильной нотой, неверным звуком, неточной тональностью, слабым аккордом. Чуть погодя начинает чувствовать ответное движение хранителей музыки, услышавших заветное «сим-сим» и впусивших в свои недра хозяина. Гитары следуют за настроением девушки, наполняют комнату радужным шквалом мелодий, выплескивают эмоции в застоявшийся воздух.

– Гитары – они как женщины. К каждой вроде нужен свой подход. А на деле – одно и то же. Только вашим ушкам подавай красивые слова, а инструменту нужны умелые руки. Под тебя гитара подстраивается, держит твой ритм, не выскальзывает, не убегает, позволяет вести, подсказывает, направляет. А с Вадимом многие из обитателей этой комнаты в контрах. Он всех обскакать хочет, навязать свой характер, принудить, заставить, победить. Вот спроси его, что главное в музыке...

– Сложность замысла и сила звучания.

– Да, конечно. Наш мальчик так думает. Но мы-то с тобой знаем, что это не так. В музыке важна эмоциональность и искренность.

– Просто Дим апеллирует к голове, когда играет.

– А твоя гитара разговаривает с душой, детка. И Вадима хочется слушать, а от твоей игры хочется плакать навзрыд. Понимаешь, в чем разница?

Андреа смущена. Ей приятно, но как-то неловко. Зоя говорит то же самое, хоть и ничего не понимает в музыке. Зоя встречалась какое-то время со студентом из Гнесинки, коротала вечера в компании музыкантов, но быстро потеряла интерес к их тусовке: познакомилась на какой-то презентации со своим шведом и откололась. Дим не понимает, почему Андреа продолжает с ней общаться. Зоя может рассуждать только о мужиках и шмотках. Андреа слушает истории про шведа и моду, про моду и шведа, про модного шведа и шведскую моду, а Зоя слушает ее гитару и восхищается. Говорит, что Андреа – гений. Только в их семье из двух человек общепризнанный гений – Дим, а она – просто талантливый музыкант. И пока гений ищет условия для выражения своей гениальности, талант тихо создает ему возможности для поисков.

Продюсер, точнее, художественный руководитель одного из достаточно известных столичных музыкальных коллективов, приходит не в ресторан, а на один из банкетов, где играет Андреа. Девушка получает приглашение на прослушивание. В группе освободилось место только для одного гитариста. И на прослушивание отправляется Дим. Его приглашают на работу – Андреа счастлива. Дим ездит на гастроли, Андреа – на вечеринки. Дим играет для серьезной публики, Андреа – для толстосумов. «Ждешь второй шанс?» – спрашивает ее худрук Дима при встрече. «Нет, – думает Андреа, – жду ребенка».

– Ну, как тебе комната? – теперь уже свекор допрашивает с пристрастием.

– О-о-очень понравилась, – выдыхает Андреа. – Она такая, такая... – Девушка вспоминает все длинное путешествие по дому и решается на признание: – В ней есть жизнь, понимаете?

Свекор грустно кивает, кончики усов словно обвисают, на шее проступают напряженные желваки.

– В ней есть любовь, – признается он в ответ.

Обратный путь они проделывают в полном молчании. Андреа не показалось: в доме родителей Дима нет чувств.

Из кухни доносится приглушенный голос свекрови:

– Она такая тоненькая, Вадинька, одни косточки. Кудрявые пружинки – все, что в ней есть. Совсем ребенок. Куда ей рожать? Как рожать?

Андреа краснеет и замирает у входа, свекор вталкивает ее в кухню и громко говорит, заставляя краснеть жену:

– Как все. Родишь маленького Пако, получишь дредноут с грифом из красного дерева, заметано? – подмигивает невестке.

– Заметано.

Через две недели о ребенке напоминала только начатая коробка витаминных драже.

12

Люди!

Вы когда-нибудь задумывались, почему письма из нашей обители переполнены воспоминаниями о прошлом и мечтами о будущем? И ни слова о настоящем? Вовсе не потому, что настоящее постыло и ужасно. Его просто нет. Вырезанный из жизни кусок: без времени, без событий, без новостей. Всеобъемлющая, кошмарная, ненавистная осень...

Андреа откладывает письмо. Она начала читать с интересом, даже успела проникнуться сочувствием, но теперь... Андреа любит осень. С приходом дождей и уныния в мире наступает гармония; природа наконец-то принимает женщину в свои объятия, обволакивает жухлой листвой, покачивает холодным ветром, баюкает постукиванием капель. Андреа перестает чувствовать отторжение окружающих. Кислые лица, ноющие суставы, надвигающийся грипп – осень. Нагие деревья, мокрые ноги, сломанные зонты – осень. Андреа довольна. Мир угрюмо плачет вместе с ней, и она перестает чувствовать одиночество.

Вот только застекленную малышку не волнуют капризы природы. Каждый день Андреа наблюдает за пламенным жаром лета. Девочка стучит каблучками, разжигая огонь костра. Андреа не чувствует холода, не замечает щиплющей мороси, не отходит под козырек. Движенья танцовщицы страстные, сильные, резкие. Даже чересчур резкие, опережающие ритм гитариста. Пальцы Андреа постукивают по паркету, отбивают бой, зажимают лады, впитывают мелодию. Андреа попадает в такт, а малышка спешит.

– Зачем вы сюда ходите? – Бабушка малышки взволнована, смотрит на Андреа с неприязнью.

– Играть на гитаре.

Правда выскальзывает раньше, чем Андреа успевает подумать. Женщина испуганно отпшатывается.

– Я не сумасшедшая! – Зачем это она оправдывается? Ах да. Затем, чтобы женщина не ушла. Надо успеть сказать. – Знаете, вашей внучке не хватает пластики, эмоции опережают ритм, все слишком, все через край, понимаете?

Женщина какое-то время наблюдает за происходящим в зале, потом спрашивает недоверчиво:

– Кто вы?

Молчание.

– Наташа действительно резковата, но все считают, у нее талант.

– Огромный, – подтверждает Андреа с придыханием. – Только ей нужны уроки классического танца, обычная хореография.

– Она не будет заниматься хореографией!

– Почему?... Послушайте, что рассказал мне как-то один очень мудрый человек. – Андреа сама не знает, откуда выплыла былая храбрость. – Давным-давно в старинном городе жил Мастер, окруженный учениками. Самый способный из них однажды задумался: «А есть ли вопрос, на который наш Мастер не смог бы дать ответа?» Он пошел на цветущий луг, поймал самую красивую бабочку и спрятал ее между ладонями. Бабочка цеплялась лапками за его руки, и ученику было щекотно. Улыбаясь, он подошел к Мастеру и спросил: «Скажите, какая бабочка у меня в руках: живая или мертвая?» Он крепко держал бабочку в сомкнутых ладонях и был готов в любое мгновение сжать их ради своей истины. Не глядя на руки ученика, Мастер ответил: «Все в твоих руках...»

Женщина задумывается, а Андреа спешит прочь.

13

– Все в ваших руках, милочка. Все в ваших руках, – гнусавит Карлович, осторожно поправляя пенсне. – Никто не поможет, кроме вас самой. Анечка, голубушка, надо пожалеть себя, пожалеть свою душу, свое израненное сердечко! Перестаньте травить себя воспоминаниями!

– Как это сделать? – Вопрос звучит неожиданно и для самой пациентки, и для врача. Он давно похоронил все надежды на успех предприятия. Ответ звучит не сразу, и Андреа уже почти скрылась под панцирем, но слова врача все же успевают попасть в ее сознание.

– Надо постараться избавиться от них.

– Как? – Нужен четкий и конкретный ответ специалиста, а не пространственные советы бабушки на лавочке.

– Для начала необходимо избавиться от всего, что вызывает грусть и заставляет возвращаться в прошлое.

Андреа потрясена. Как можно избавиться от уличных музыкантов, от пения птиц, от звуков, льющих из чужих окон? Как оградить себя от улиц, машин, людей? Как уничтожить весну, заморозить зиму, испепелить лето? Как не заглядывать в чужие коляски, не оборачиваться на круглые женские животы, не замечать малышей в песочнице? Как не просыпаться по утрам? Как заставить молчать память?

– Мне покончить с собой?

– Зачем же так, милая? Начните с обычных вещей, с вещей человека, который заставил вас страдать. – По лицу Андреа проскальзывает тень, в глазах появляется отчужденность, и врач ликует. Снова попадание. – Что он, кстати, сделал?

– Умер.

Андреа возвращается домой, открывает шкаф, достает последнюю гитару Дима, обнимает холодный металлический гриф и долго, безутешно плачет. Потом берет бумагу и ручку:

*...Осенние листья по ветру кружат,
Осенние листья в тревоге вопят:
«Все гибнет, все гибнет! Ты черен и гол,
О лес наш родимый, конец твой пришел!»
Не слышит тревоги их царственный лес.
Под темной лазурью суровых небес
Его спеленали могучие сны,
И зреет в нем сила для новой весны...¹⁸*

Запечатывает конверт. Может, хоть кому-то из гонителей осени станет легче?

– Тебе скоро станет легче. Боль должна отпустить. – Голос Зои доносится откуда-то изда-лека. Перед глазами Андреа – мутная рябь и туман. – Врачи говорят, через полгода ты снова можешь попробовать...

Туман тут же рассеивается.

– Что попробовать?

– Ну, это... Ребенка... Тебе сделали аборт.

Андреа растворяется в холодной больничной стене. Это уже четвертая беременность за два года. Первые три не дотянули и до десяти недель. Она три с половиной месяца пролежала пластом на диване, проштудировала кучу классики, выучила тысячу и одно русское сти-

¹⁸ Стихотворение А.Н. Майкова.

хотворение, освоила безупречную «лежачую» технику игры на гитаре. Сказали, что основная опасность миновала. Вернувшийся с гастролей Дим вывел затворницу на прогулку. В парке холодно, промозгло и сыро. Андреа мерзнет, напряжение последних месяцев не отпускает. Они возвращаются в теплую безопасность дома, но смертоносный пневмококк уже успел щедро одарить своими токсинами легкое несчастной девушки. Ртутный столбик зашкаливает за сорок, нестерпимая боль в боку, надрывный, лающий кашель, жар, бред и беспамятство.

– Что это было? – спрашивает Андреа подругу.

– Крупозная пневмония. Но ты не волнуйся. Ты уже идешь на поправку. Обошлось без последствий.

– ...

– Ой... Извини... Я...

– Где Дим?

– Завтра придет. Сегодня какой-то важный концерт, нельзя отменить.

– Он знает?

Зоя кивает, с горечью смотрит на Андреа, пытается найти слова утешения, но говорит как есть:

– Врачи сказали, после инфекции может урод родиться, а у тебя все равно кровь пошла, ну, и Дим разрешил не препятствовать.

Андреа больно дышать то ли от болезни, то ли от несправедливости судьбы. Она кусает потрескавшиеся от антибиотиков губы, шепчет:

– Дай зеркало.

Зоя чуть медлит. Потом все же протягивает Андреа пудреницу.

– Жуткий вид. Просто узник Освенцима.

– Бухенвальда, – подхватывает Зоя (о концлагерях она слышала).

– Думаю, и там, и там не кормили, – подытоживает больная.

– Ты голодная? Тебе что-нибудь принести? – Радость и оживление.

– Принеси всего побольше, покалорийней и повитаминнее. Через полгода я должна быть здорова как бык.

– Будешь, куда денешься?

Им по двадцать два. Неудачи пока только закаляют, вызывают злость, раздражение, воспитывают волю к победе, заставляют идти вперед. Андреа сдаваться не собирается. Она приехала в Россию за счастьем. Зоя никак не решается за ним из России уехать. Может, оно и правда в какой-то другой стране? Ничего. Андреа заставит его вернуться. А когда долгожданное счастье прилетит в ее дом, она обязательно поймает эту птицу, посадит на цепь, подрежет крылья.

14

– Держи, дочка. – Свекор привез важному клиенту готовый инструмент и обещанный дредноут для Андреа.

– Но ведь вы еще не стали дедушкой.

– Ну и что? Гитара же для тебя, не для внуков.

– Я не возьму.

– Слушай, знаешь, какое самое ужасное времяпрепровождение в жизни?

– Какое?

– Ждать и догонять. А ты живешь ожиданием. Ожиданием Дима, ожиданием ребенка, ожиданием счастья. А надо не ждать, а жить. Возьми дредноут, возвращайся к работе. У тебя лишь первая премия на «Фернандо Сор», а есть еще конкурс имени Дюарта, «Сегед», Краков, Киев, Белгород... Целый мир возможностей, огромный запас счастливых случайностей и логичных закономерностей, которые только ждут от таланта небольшого усилия, первого шага.

– Диму это не понравится... И потом, кому еще нужны мои способности, какой от них толк?

– А теперь послушай меня, моя милая. Один человек как-то пожаловался китайскому мудрецу Чжуан-Цзы: «Правитель Вэй подарил мне семена большой тыквы. Я посадил их в землю, и у меня выросла тыква весом в целых двести пудов. Нальешь в нее воду – и она треснет под собственной тяжестью. А если разрубить ее и сделать из нее чан, то мне его даже поставить будет некуда. Выходит, тыква моя слишком велика и нет от нее никакого проку». Чжуан-Цзы ответил: «Да ты, я вижу, не знаешь, как обращаться с великим! Один человек из Сун знал секрет приготовления мази, от которой в холодной воде не трескаются руки. А знал он это потому, что в его семье из поколения в поколение занимались вымачиванием пряжи. Какой-то чужеземный купец прослышал про эту мазь и предложил тому человеку продать ее за сотню золотых. Сунец собрал родню и так рассудил: «Вот уже много поколений подряд мы вымачиваем пряжу, а скопили всего-навсего несколько золотых, давайте продадим нашу мазь». Купец, получив мазь, преподнес ее правителю царства У. Тут как раз в земли У вторглись войска Юэ, и уский царь послал свою армию воевать с вражеской ратью. Дело было зимой, сражались воины на воде. И вышло так, что воины У наголову разбили юэсцев, и уский царь в награду за мазь пожаловал тому купцу целый удел. Вот так благодаря одной и той же мази, смягчавшей кожу, один приобрел целый удел, а другой всю жизнь вымачивал пряжу. Получилось же так оттого, что эти люди по-разному пользовались тем, чем обладали».

У тебя, Андреа, есть тыква весом в двести пудов. Ее семенами, своей музыкой ты можешь спасти тысячи, миллионы людей – а занимаешься вымачиванием пряжи.

– Желание родить ребенка вы называете вымачиванием пряжи?

– Нет, я называю вымачиванием пряжи зарывание таланта в землю. Тебе двадцать два, ты еще сто раз успеешь родить.

– Ну, значит, и конкурсы я сто раз успею выиграть.

– Это только так кажется, детка, только так кажется. Не веришь в восточную мудрость, послушай другую историю. Жил на свете человек, который очень неплохо умел играть на гитаре. Да нет, пожалуй, я тебе скажу, хорошо он играл, даже замечательно. Концертные залы, конечно, не собирал, но мечтал об этом. Репертуар «Beatles», «Doors», «Rolling Stones» отскакивал у него и от зубов, и от пальцев. Он воспроизводил их музыку и тексты на слух с заезженных до игольного скрежета пластинок, которые выменивал за бог весть какие ценности (собрания сочинений, мамину цепочку, джинсовую куртку) у заезжих моряков. Не понимая текста, не зная названия аккордов, молодой человек играл и мечтал о грядущей славе. Ему казалось, что восхищенные и завистливые взгляды ровесников, ругань уставших от постоянного брен-

чания соседей и молчаливое одобрение родителей приведут его неизломанной дорогой судьбы не куда-нибудь, а непременно на большую сцену. Шаг за шагом будущий великий гитарист совершал свое восхождение к вершинам. Лавочка во дворе сменилась стенами местного клуба, затем – районным дворцом культуры, где, естественно, невозможно было исполнять любимый репертуар маэстро, но народным мелодиям и классической музыке дорога была открыта везде. Денег особых, конечно, не водилось, но в них и не было нужды. Куртка, клеши, кипятильник, раскладушка в номере на троих и гитара – вот и все богатство будущей звезды. – Свекор горько ухмыляется и надолго замолкает.

– А потом? – не выдерживает Андреа. Свекор вздыхает, поднимает на нее грустные глаза.

– Ну, а потом, моя милая, – проза жизни: любовь-морковь, женитьба, ребенок, и отсутствие денег превратилось в проблему. Нет, молодого человека никто не упрекал, никто не просил его сменить профессию и срочно переквалифицироваться в инженеры. Просто однажды случилось так, что у него сломалась гитара. Починить ее было не на что, и музыкант справился сам. Инструмент ожил, даже зазвучал чище, а изменения эти не остались незамеченными среди профессионалов. Один за другим к новоявленному мастеру потянулись друзья с просьбами подправить гриф, отполировать корпус, настроить лады, вставить резонатор. Потом начали обращаться и незнакомые музыканты, появился неожиданный и довольно неплохой заработок, и вскоре молодой человек сделал свою первую гитару. Ему нравилось новое увлечение, приносящее невиданный доселе доход, но изготовление инструментов отнимало все больше и больше времени, заказы сыпались со всех сторон, и музыка начала отходить на второй план. Гитарист очень жалел об этом и вступил с собой во внутренний сговор: он потратит еще несколько лет на создание гитар, накопит для семьи денег, а потом вернется на сцену. Он не забросил музыку, товарищи по кочевой гастрольной жизни его не забыли. Музыкант оттачивал ночами технику своей игры и по-прежнему слыл звездой местного масштаба. Небольшое изменение планов несколько его не напугало и не сломило, он двигался вперед с уверенностью бесстрашного альпиниста и был уверен, что новый обретенный талант поможет развитию старого. – Свекор опять молчит, погрузившись в свои, только ему понятные переживания.

– Почему же создатель гитар не вернулся на сцену? – Андреа спрашивает вкрадчиво, почти шепчет. Свекор не оборачивается, не поднимает глаз, говорит глухо, отрывисто, бросает слова, словно тяжелые камни, складывая из них памятное надгробие для своей утраты.

– Создатель гитар убил гитариста. Секундное дело. Перерезал циклей сухожилия на ладони – и все дела. Одним махом. Цикля уничтожила мечту, забрала надежду, обрубилась любовь. Жена романтического музыканта превратилась в жену угрюмого столяра. Ее не очень-то это обрадовало, я бы даже сказал, совсем не обрадовало, но женщина почему-то решила, что должна нести этот крест. Что ж, хочет, пусть несет. Я не возражаю. – Он наконец смотрит на Андреа, изображает некое жалкое подобие улыбки и внушает:

– Не теряй времени, дочка. Жизнь короче, чем ты думаешь.

Андреа думает, постоянно думает, оценивает, взвешивает. Она хочет ребенка, хочет Дима, хочет сцену, хочет весь мир. Андреа принимает решение. Она много гуляет, ходит на процедуры, делает уколы, пьет витамины. Иногда по-прежнему играет на банкетах и вечеринках. А еще она репетирует, доводит до совершенства звук и мелодию, доводит до изнеможения себя и гитару. Андреа репетирует, а ее демо-записи уже в пути на отборочные туры самых престижных конкурсов.

15

Андреа больше не стоит под окнами танцевального зала. Она сама не знает, что заставило ее открыть свои мысли бабушке танцовщицы и доктору. От женщины она скрывается за толстым стеклом кафе, а от Карловича уползти не может. Он с победоносной гордостью мучителя вцепился в высунутую из раковины робкую рожку и тянет изо всех сил, чтобы увидеть наконец вторую. Но Андреа – сильный соперник. Тем более сейчас, когда на смену осени посыпалась на землю первыми колкими снежинками зима. Женщина леденеет вместе с городом, намечает в душе сугробы, собирает со стекол извилистые узоры и выстраивает из них тайные тропинки, лепит застывшую маску. Карлович пытается и выпрашивает с плотоядной настойчивостью охотника, а Андреа кажется, что он проезжает по ней острым лезвием конька: то вращается на одном месте, то разбегается и прыгает, то плавно скользит между бортиками, то пробегает нелепыми, резкими дорожками, то несется сломя голову с клюшкой, чтобы не упустить шайбу и забить долгожданный гол.

– Что нового, моя дорогая? Познакомились с кем-нибудь? – Врач задает вопрос как бы между прочим. Старательно делает вид, что его нисколько не занимает вопрос о расширении круга общения пациентки.

– Нет. Зачем? – Андреа делает непонимающие глаза. Ее забавляет игра в кошки-мышки. Может, сказать правду?

...Спасибо за призрачную надежду. Только в Ваших строках пропущена зима. А она может быть такой лютой, что в ее буранах никогда не прорастет подснежник. Как быть?

*Ручка, тетрадка и белый листок,
И на бумаге лишь несколько строк
О мире, о жизни и о семье,
О том, для чего я на этой земле,
И есть ли просвет в окружающей мгле,
Которая, будто бы зверя капкан,
Поймала, и держит, и рвет пополам.
Вы скажете, многим это знакомо...
Но больно! Так больно! И так одиноко!..¹⁹*

Кто автор этих печальных строк? Таинственный незнакомец, отбывающий наказание где-то под Иркутском, или сама Андреа? Его почерк – ее мысли.

...Да, чуть не забыл, что Вы думаете о зиме? Какое у Вас настроение? Вы любите холод, серость и лед? Напишите что-нибудь о себе...

Какое у Андреа настроение? «Февраль. Достать чернил и плакать...», пожалуй, подойдет, но звучит совсем уж безнадежно, а этому далекому человеку, похоже, жизнь опротивела еще больше, чем ей. Что она думает о зиме? Любит ли холод и лед? Да, она сама, как Снежная Королева. Хотя нет, какая из нее королева? Она, она... Андреа подходит к книжному шкафу, находит нужные строчки и старательно переписывает:

Светло-пушистая,

¹⁹ Здесь и далее автор стихотворений Бельского – Лариса Райт.

*Снежинка белая
Какая чистая,
Какая смелая!
Дорогой бурною
Легко проносится,
Не в высь лазурную,
На землю просится.
Лазурь чудесную
Она покинула,
Себя в неизвестную
Страну низринула.
В лучах блистающих
Скользит, умелая.
Средь хлопьев тающих
Сохранно-белая.
Под ветром веющим
Дрожит, взмывается.
На нем лелеющем
Светло качается.
Его качелями
Она утешена,
С его метелями
Крутится бешено.
Но вот кончается
Дорога дальняя.
Земли касается
Звезда кристальная.
Лежит пушистая
Снежинка смелая.
Какая чистая,
Какая белая!²⁰*

– Анечка, милая, вы опять витаете в облаках. Такая серьезная, нахмуренная! Просто Снежная Королева! – Доктор пытается шутить, укоризненно покачивает головой, а глаза усталые, грустные.

– Не угадали. Я – снежинка.

– Вот и прекрасно, – не замечает врач ее серьезности. – Снежинка должна летать, а вы топчетесь на одном месте и категорически не желаете оглядеться вокруг. Вот, например, на Пушкинской сейчас – ледяные скульптуры. То, что надо Снежинке. Сходите с Аллочкой в выходные, не пожалеете.

– Непременно. – Делать ей больше нечего! Что за радость от Биг-Бена, на котором не тикают часы? Чтобы увидеть застывшую сосульку, для которой остановилось время, Андреа достаточно посмотреть в зеркало.

²⁰ Стихотворение К.Д. Бальмонта «Снежинка».

16

– Посмотри в зеркало, Наташа. Что ты видишь?

Девочка в замешательстве.

– Нет, ты ответь, пожалуйста. Я хочу, чтобы ты сама заметила разницу. Вот стою я, а вот стоишь ты. Что ты видишь?

Молчание.

– Наташа, ау!

– Руки, – неохотно выдавливает девочка.

– Правильно, руки. У меня руки, а у тебя?

Молчание.

– А у тебя молотильный станок, и сверху, и снизу. В ногах – это замечательно. В ногах дробь, повороты, страсть. А в руках? Что должно быть в руках?

Молчание.

– Пластика, Наташа, пластика. В ногах – страсть, в руках – все остальное. А у тебя огонь, вихрь, пламя и там, и там. Где мелодия, где гамма, где ритм? Все внизу. Наверху нет резкости, есть гордость, понимаешь разницу? Ладно, давай еще раз попробуем. Поставь «корону», отведи локти, теперь мысленно зажми в правой руке веер. Готова? И... Слушай музыку, захватывай пространство, не бросай руку, обводи полукруг. Стоп. Наташ, опять препятствие, опять стена. Все доводишь до упора, а зря. Должно быть место полету, фантазии, вееру, наконец. Я не вижу твой веер, ты его давно потеряла, еще на середине круга.

Девочка насупилась, но держится, не показывает подкравшихся слез, хоть и не привыкла к недовольству преподавателя.

– Наташа, надо что-то делать с руками. Для веера не нужен характер, нужны характеры. Представь, что ты балерина и танцуешь партию Одетты, и не надо изображать Кармен!

– Я не балерина! – неожиданно громко и горько выкрикивает девочка и выбегает из зала.

Куда это она? Андреа нервно ерзает на стуле. Даже с ее наблюдательного пункта за стеклом кафе понятно, что ученица сегодня не в форме, а преподаватель раздражена. Ничего удивительного. Рано или поздно пришлось бы тушить пожар юной танцовщицы. Странно, что педагог заметила это, только дав девочке веер. Они работали с ним в начале урока, потом отложили. А теперь и вовсе прервали занятие. Вон танцовщица уже выпорхнула из дверей в незастегнутой куртке и шапке набекрень. Плачет, похоже, бабушка за ней еле поспевает. Что же случилось? Малышка не привыкла к трудностям? Странно. Она ведь столько тренируется. Ладно, сами разберутся...

17

– Без нас, похоже, не разберутся... Как думаешь, Мила? – Марат лениво почесывает дворняжье ухо и заинтересованно смотрит в кружочек на запотевшем окне.

– Подожди, не тяни. Упадет, что тогда делать будем? – Коренастый Толян аккуратно оттесняет желающих побыстрее вытащить груз.

– Да ладно, мужики. Навались. Сейчас мы его быстренько на землю спустим, – не желает ждать каменщик Андрюха.

– Подожди!

– Навались!

– Стой!

– Отойди!

– Да... Просто Ральф и Джек²¹ собственной персоной... Угробят инструмент, жалко... – Марат торопливо натягивает телогрейку, вставляет ноги в валенки и спешит к группе работяг, обступивших грузовик. – Чего раздумываем, мужики?

Местный прораб Митяй недоверчиво косится на Марата. Что это сторож заговорил? Раньше молчал и носа из своей сторожки не показывал. А к нему как зайдешь за какой-нибудь надобностью, так свою умную книжку нехотя отложит и смотрит с тоскливой ленцой: чего вам, мол, неучам, надо? Оно, конечно, у него, поди, есть время просвещаться, он скребком да зубилом не машет, плиты не таскает, мешки с цементом не ворочает. Знай себе сидит на кровати, чаи попивает, с собакой беседы ведет. Читай не хочу. А названия-то какие у книг мудреные. Митяй краем глаза приметил: «Новая жизнь» (чем ему старая не угодила?), потом еще какой-то «...переводчик» с немецкой фамилией (с чего бы это сторожу переводчиками интересоваться?), а одно Митяю особенно запомнилось: что-то про дирижерские жесты. Он еще хотел взять почитать, думал, там про те самые, всем известные жесты, а потом как-то забылось. Что этому умнику здесь понадобилось?

– Да, тут вот пианину привезли, – нехотя пережевывает слова Толян. – Народ волнуется, как снимать будем.

– Надо подумать, – одобрительно откликается Марат и запрыгивает на борт. Приоткрывает картонную коробку и присвистывает:

– Обалдеть!

– Чего там? – суетится Митяй, протискивается с другой стороны. – Странное какое-то пианино, – пожимает плечами, чешет затылок. – Может, оно, того, не тяжелое?

– Тяжелое.

– А ты почему знаешь? – недоверчиво цедит Андрюха.

– Это фисгармония. – Марат не замечает грубости, не отрывает взгляда от старинного инструмента.

– Физ... чего?

– Фисгармония. – Марат наконец замечает недоверчивые растерянные взгляды и вдруг пускается в объяснения: – Здесь внизу педали, а наверху клавиши. Играют на клавишах, как на фортепиано, но если не работать педалями, звука не будет, понимаете? Звук извлекается нагнетанием воздуха. Постоянной работой педалей, как у органа.

– У органа? – оживляется Толян. – Это как в соборах у католиков, что ли?

Марат кивает.

²¹ Герои романа Уильяма Голдинга «Повелитель мух»: Ральф – олицетворение разума и порядка, Джек – слепой силы разрушения.

– Красиво звучит, – одобряет Толян. – Я летом квартиру на Малой Грузинской отделявал, там этого органа наслушался.

Товарищи смотрят на него с уважением, да и Марат неожиданно ощущает себя своим. Все-таки музыка – воистину язык, не требующий перевода. Старинный ящик с педалями – а от бывшего холодка не осталось и следа. В глазах работяг – заинтересованность, у Марата – восторг. Поворчав еще немного и поспорив для порядка, общими усилиями переносят антиквариат в дом. Прораб осторожно, с ощущением подлинного таинства, раскрывает картон. Марат не может сдержать возгласа восхищения.

– «Циммерман»²² середины XIX века...

– Сыграешь? – Толян с готовностью приподнимает крышку. – Фу-ты черт! Пыльная!

– Пыльная она, твоя Одесса, и душная.

Марийка неторопливо обходит художников, расположившихся в городском саду, рассматривает глиняные фигурки животных, примеряет дешевую бижутерию, подозрительно обнюхивает железные баночки с законсервированным смехом.

– Зато море есть. – Марат и сам устал от жары, старается держаться поближе к фонтану, но не отставать от Марийки, которая то надолго останавливается возле прилавка, то резко проскакивает вперед.

– Море грязное. – Девушка натягивает украинский кокошник и задумчиво вертит головой. – И потом, ты разве на нем бываешь?

– Вчера были, – по привычке спорит Марат.

– Точно, ты уже здесь три месяца и вчера, наконец, сходил на море.

– Ты приехала, я сходил. Что одному на море делать?

– Дышать воздухом. – Марийка стягивает кокошник и устремляется дальше. – Ой, а это что?

– Тринадцатый стул. Садись, сфотографирую.

– Давай.

Марийка забирается на постамент, усаживается, скрещивает стройные ноги, перекидывает через плечо черную косу, скалит зубки и кокетливо спрашивает:

– Я похожа на Эллочку-Людоедку?

Марат смотрит в объектив: узкая кость, острые коленки, резкие скулы, вздернутый носик, ниточки бровей, такие же летящие и раскосые, как бусинки глаз. Делает снимок.

– Ты похожа на китаянку.

Марийка слезает, вздыхает:

– Тринадцатый стул, первый эмигрант, Дюк, Рабинович, Дерибас. Столько всего интересного! А дирижеров у них нет...

– Почему нет? Есть. Только, – Марат шутливо кланяется, – таких нет.

– Слушай, дирижер, ты мне про море не рассказывай. Что тебе до соленой воды, если над ней не смыкаются снежные шапки гор, если не бегут к ней тайными тропками десятки рек? Да и название у этой стихии чужое: Черное. Оно и есть черное и грязное. А наше, родное, чистое, прозрачное, журчащее, священное и тоже, кстати, соленое. Слушай, как звучит бархатисто: Иссык-Куль. А Тянь-Шань, а реликтовые леса?

– Мась, что ты хочешь?

– Чтобы ты вернулся.

Марийка смотрит на него с упреком. К глазам, как обычно, подступают слезы, она начинает тихонько посапывать. Веский аргумент. Марат уже знает, что за этим последует: горькие всхлипывания, громкие рыдания, дорожки туши на щеках, красные глаза, перекошенные дро-

²² Фирма, производитель музыкальных инструментов.

жащие губы. Марийка становится некрасивой, а виноват Марат. Это происходит каждый раз, куда бы она ни приехала. Жалобы, требования, слезы, бурные ссоры и столь же бурные примирения. Везде хуже, чем в Бишкеке. Конечно, везде хуже. Ведь в Бишкеке – она, Марийка. Учиться закончила, а к Марату не переезжает. Работает с детишками, ждет места в аспирантуре, хочет выводить балерин на большую сцену. Марат понимает, Марат ее любит, Марат ждет встреч. Хотя в последнее время – чуть меньше, чем раньше. Он ждет счастливых свиданий, прекрасных минут, а получает часовые истерики и истерзанные нервы.

– Что, что тебя здесь держит?

Разумный вопрос. Марат уже полгода в Одессе. Оркестр продолжает колесить, а он остался в филармонии. Мог бы и в Киргизской филармонии с тем же успехом дирижировать.

– Пойдем. – Марат хватает девушку за руку и быстро тащит вниз по Дерибасовской, стараясь из последних сил предотвратить развитие концерта. Сворачивает к Приморскому бульвару и резко останавливается.

– Вот, вот, почему я здесь.

От слез не осталось и следа. Все же Марийка – творческая личность, балерина, зрелище не может оставить ее равнодушной.

– Какая красота! Это театр?

– Да, оперы и балета. Ему уже сто лет.

– Какие скульптуры! Это что, музы, да?

– Да.

– Фантастика.

– Это ерунда. Ты бы видела, что внутри! Канделябры, светильники, бронзовые инкрустации, лепнина. Лепнина везде: вдоль лестницы, на ярусах, в ложах. А люстра, а занавес, а потолок... Там сцены из Шекспира, представляешь. Дух захватывает.

– Пойдем, пойдем посмотрим.

– Нельзя, – расстраивается Марат. – Закрыли на реконструкцию. Но как только откроют, меня сразу обещали из филармонии сюда первым дирижером перевести. И балетмейстеры тут, кстати, тоже понадобятся. Ты тогда при-едешь?

– Приеду, – серьезно обещает Марийка и даже приподнимает над асфальтом вытянутый носок, постукивает туфелькой, будто примеряет на себя новый танцкласс.

– Смотри, на этом пяточке – все, что нам нужно, – Марат показывает налево.

– «Дворец бракосочетаний», – читает Марийка, смотрит ласково на жениха.

– Как только откроется театр. Я обещаю.

Театр откроется через одиннадцать лет, но откуда им знать об этом...

– Ну, давай, музыкант, играй, – Толян с силой подталкивает Марата к инструменту, хочет поиздеваться, поднять на смех.

Марат шутить не расположен. Он уже достаточно унижен, измучен и оскорблен надеждами, мечтами, воспоминаниями, жизнью. Скидывает телогрейку, уверенно садится на шаткий, измазанный краской стул, держит осанку. Марат ставит ноги на педали, кладет пальцы на клавиши, прикрывает глаза. Как давно он этого не делал! Берет несколько нот. Инструмент не слушается, сипит, сопротивляется. Раздаются первые довольные смешки. Но Марат уже уловил величие антиквариата, его царственную скорбь по ушедшим временам. Он вбирает в себя настроение фисгармонии и выплескивает ей свою боль, свою рану, свой крик. Баха сменяет Гендель, за последними композиторами барокко звучат лирики Шопен и Вивальди, тяжелой поступью Бориса Годунова опускается на клавиши Мусоргский, машет лебедиными крыльями Чайковский, плачут с Маратом Рахманинов и Шостакович. Марат обрывает звук на пике эмоций, и воздух сотрясает пронзительная, оглушительная, гнетущая тишина. Марат еле сдерживается, чтобы не захлопнуть в немой ярости крышку инструмента, не раздавить педали, не

выдернуть ручки настройки. Он надеялся, фисгармония подарит ему хотя бы мгновения гармонии с обманувшим, предавшим его миром. Как мог он так заблуждаться? Зачем позволил себе надеяться? Счастливых музыка делает еще счастливее, а несчастных – еще несчастнее. Ничто не напоминает прошлое так, как музыка. Марат это прекрасно знает. И теперь его обуревают нестерпимое желание разнести в щепки этот деревянный ящик, который вместо ожидаемого наслаждения от соприкосновения с прекрасным заставил его страдать.

Тишину нарушают тихие, неуверенные хлопки. Прораб растерянно изучает диковинного сторожа и ритмично постукивает ладонями. Оцепенение сменяется оживлением, радостным улюлюканьем, аплодисментами. Работники сухой смеси и краски тормозят музыканта, жмут ему руки. Талант ценен в любом обществе. Марат успокаивается, гнев улетучивается, слепая ярость испаряется, оставив после себя лишь горькое пощипывание в носу.

– Занесли, мужики? Порядок! – заглядывает в дом давешний знакомый Марата, в костюме. Это начальник службы охраны, почему-то он частый гость на стройке, в отличие от самого хозяина странного особняка. «Шефа» за несколько месяцев своей нехитрой службы Марат еще не видел ни разу. А Сергей, начальник охраны, приезжает часто, почти каждый день. Проверяет, осматривает, изучает, контролирует, но особо не шпынует, относится к рабочим с уважением.

– Прикольная штукавина. Я такого рояля еще не встречал.

– Это фисгармония, – со знанием дела сообщает Толян, – а он, – кивает на Марата, – бренчать умеет.

– Играть, – укоризненно поправляет Митяй, а Марат снисходительно улыбается.

– Ладно, – торопится начальник охраны. – Показывайте, чем сегодня порадуете. Краны прикрутили?

– А... это... Инструмент-то куда девать? – интересуется Андрюха.

– А никуда. Пушай здесь стоит, что ему будет? – машет рукой Сергей. Андрюха понативно кивает.

– Как здесь? В холле? – пугается Марат.

– А чем тебе холл не угодил? – насмешливо вопрошает «двубортный костюм».

– Да нет. Меня устраивает, а фисгармонии здесь, пожалуй, не понравится.

– А мы ее забыли спросить! – хохочет начальник охраны.

– Холодно здесь, а инструмент старинный. Развалится, играть перестанет, хозяин не обрадуется.

– Ладно, – «костюм» сменил настроение. – Завтра что-нибудь придумаем.

Дом опустел, отбыл на иностранном джипе Сергей, укатил на стареньком «Москвиче» прораб, рабочие поплелись к электричке. Марат пытается читать, но увлечься не получается. Гасит свет, вертится на кровати, считает овец. Бесполезно. Вскакивает с постели. Кивает собаке:

– Ладно, пошли. Спасем старушку.

Через две минуты возвращается, сдергивает простыню и направляется обратно в дом. Кряхтя и изрыгая проклятия, запихивает простыню под фисгармонию и целый час, по сантиметру, волоком перетаскивает тяжеленный инструмент в самую теплую комнату.

18

– Пойдем в комнату, там теплее, – гнусавит Андреа, плотнее закутываясь в махровый халат.

– Пойдем, я здесь потом сама уберу, ты ложись. – Алла отодвигает чашки с недопитым чаем. – Где тебя так угораздило? На работе продуло?

– Нет, – заходится в кашле... – под Биг-Беном.

– Где?

– На Пушкинской.

– На скульптуры ходила смотреть? Ну наконец-то выползла! – радуется Алка. – И какой он?

– Ледяной и без циферблата. Ничего интересного, как я и думала.

– А по-моему, ничего.

– Вот именно. Ничего. Растает и испарится без следа. Странное занятие – строить ледяные скульптуры. Несколько дней радости – и все, одни воспоминания.

– Бывает, некоторым суждены лишь минуты счастья. И они потом всю жизнь благодарны, – философски замечает подруга. – А ты как хотела?

– Я хотела, чтоб навсегда.

– Так не бывает.

– Бывает...

– Неужели так бывает, Анди?

Пас недоверчиво смотрит на младшую сестренку. Прошло целых три года с момента их последней скоропалительной встречи. Все это время каждая жила своими проблемами. Пас – постоянным появлением детей, Андреа – их отсутствием. А ведь до замужества старшей они были очень близки. Теперь младшая пытается восстановить утраченную душевность. Она только что прошла в последний тур международного конкурса и доехала, наконец, до Мадрида взглянуть на «свежерожденного» племянника.

– Что тебе кажется удивительным? – не понимает Андреа. Она покачивает коляску с хрюкающим Марио-младшим, мысленно примеряя на себя роль матери, и с улыбкой наблюдает за двухлетней Марией, которая увлеченно готовит песочную кашу.

– Все, Анди. Абсолютно все. Твой отъезд, конкурс, Дим, Россия. Россия! – повторяет Пас с таким ужасом, как будто Андреа уехала на необитаемый остров работать Пятницей у господина Крузо. – Может, вам переехать сюда? Для гитаристов здесь столько же возможностей, если не больше.

– У Дима группа, концерты. Языки ему не даются. И потом, это я играю испанскую гитару, Дим нет.

– Вот именно, ты играешь испанскую гитару, а живешь где?

– С мужем живу. И потом, тебе ли меня поучать? Ты тоже собиралась совершать открытия, производить элементы, а производишь... – Кидает красноречивый взгляд на коляску.

– Да, теперь не до открытий... – грустно вздыхает Пас.

– Ты могла бы дома попробовать. Микроскоп же стоит мощный.

– Микроскоп-то стоит, только разглядывать в него мне, кроме кишечной палочки младенца, нечего. Все пробирки Марио давно забрал в лабораторию, подальше от детей и от греха. Я ничего не могу: ни задачу решить, ни опыт провести.

– Ну, знаешь! – укоряет Андреа. Она не тот собеседник, которому можно пожаловаться на наличие детей. – Во-первых, это твой выбор, во-вторых, ты каждый день решаешь целую кучу стратегических задач: во что одеть, чем накормить и как развлечь. Ну, а в-третьих, у тебя

целая куча подопытных кроликов. Экспериментируй, не бойся! Потом поделишься результатами.

Пас не разделяет энтузиазма сестры, не поддерживает шутки.

– Я просто не хочу, чтобы ты повторила мою ошибку. Не растворяйся в мужчине.

– Я и не растворяюсь. Видишь, на конкурс приехала.

– Приехала. Первый раз за три года домой заглянула! Куда ты сбежала, Андреа? Зачем?

– За счастьем.

– Нашла?

– Нашла.

– Если бы нашла, не сорвалась бы опять на конкурс. Сидела бы в Москве, говорила бы по-русски и смотрела испанские сны. А гитару бы на стенку повесила.

– Да я никогда не собиралась вешать гитару на стенку. Какая муха тебя укусила?

Пас молчит, хмурится. «Интересно, – думает Андреа, – я тоже стану такой гримзой-все-знайкой, когда рожу троих?» Пас вроде бы не сильно изменилась: такая же миниатюрная, как Андреа, те же непослушные кудряшки, только выкрашенные ядреной смесью «Пепельный блондин», упрямый покатый лоб, вздернутый подбородок. Все, как прежде – и все совершенно не так. Пас устала, сдалась, поблекла. Миниатюрность смотрится худобой, кудряшки не блещут и не прыгают при ходьбе, по лбу расползаются глубокими лучиками первые дорожки морщин, а вздернутый подбородок отчетливо говорит об утомленной покорности. Для женщины, родившей троих детей, Пас выглядит прекрасно, но изменения, произошедшие с ней, катастрофичны и необратимы. Она перестала быть собой, потерялась в огромном доме среди игрушек, горшков и распашонок, забыла о личном, потаенном, интимном. Пас счастлива, потому что должна быть счастлива. Она делает то, что должна, а не то, что хотела бы. И выдает, как заезженная пластинка, чужие мысли за свои.

– Постой, – вдруг понимает Андреа. – Вы что, все так думаете? Раз я опять устремилась к лучам славы, значит, у нас с Димом что-то не так? Ты выражаешь общее семейное мнение?

– Не кричи! Разбудишь Марио. Я выражаю общее семейное беспокойство о судьбе блудной дочери.

– Ну так приехали бы хоть кто-нибудь да посмотрели, как блудная дочь живет. Успокоили бы свое беспокойство.

– Не говори глупостей! – Пас забирает у Андреа коляску, поправляет младенцу одеяльце, заботливо проверяет, теплый ли носик. Машет рукой Марии и поднимается со скамьи. – Ну сама посуди, куда я поеду...

Контакта не получается.

19

Не получается у него с этой пациенткой контакта. Она, будто змея, изворачивается и выскальзывается. То позволяет подобраться к разгадке, просит о помощи, подбрасывает ключи. То вдруг лихорадочно спешит заползти под какой-нибудь неподъемный камень, чтобы ее ни в коем случае не обнаружили, не потревожили, не заставили ползать, двигаться, извиваться. Зачем она вообще приходит? Вот и сейчас он задал вопрос, а она словно не слышит. Пропустила два сеанса из-за болезни – и все, что было с таким трудом наработано, коту под хвост. А прогресс явно наметился. Небольшой, но все-таки. Аллочка сказала, она ходила на выставку. Значит, восстанавливается потребность в развитии, в движении, в социуме, наконец. А она красивая, эта маленькая испанка, необычная, уязвимая. Все, что нужно, – вернуть хоть немного призывного блеска в глаза, и жизнь наладится. Он это отлично понимает, и она понимает, он в этом уверен, просто не хочет, нарочно сдерживается, сопротивляется по одной ей известной причине. Нет, она же не страдает аутизмом. Нормально разговаривает с людьми, с Аллой даже дружит, наверное (или Алла с ней?), на работу ходит. Кто она? Переводчик? Так, может, она просто разговаривать устала и в его кресле расслабляется, отдыхает? Хотя нет, что там, в мебельном салоне, переводить? Все общение с поставщиками нынче в электронном виде. Сидит, поди, перед монитором да письма строчит. Как с ней разговаривать? О чем? О музыке он теперь не решается. О книгах? Он спрашивал, она не говорит, что читает. Может, о мыслях? Она ведь постоянно в себе, что-то прокручивает, прослеживает, проживает заново.

– Так о чем вы думаете, Анечка? Снова секреты?

Андреа переводит взгляд на врача. Как он, бедный, с ней мучается! И с той стороны зайдет, и с этой – а все без толку. Она, конечно, может сказать. Здесь нет тайны. Только чем он поможет? Андреа слегка пожимает плечами и позволяет тени ободряющей улыбки мелькнуть на своих губах. Карлович с профессиональной ловкостью хватается за соломинку, придвигается ближе и участливо спрашивает:

– Вас что-то беспокоит?

Андреа отрицательно качает головой и выжидающе смотрит.

– Кто-то?

Утвердительный кивок.

– Мужчина? Женщина? Анечка, вы меня заинтриговали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.